ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 2 (2385) Среда, 7 января 1948 г. Цена 40 коп.

Впереди времени

Прожита уже первая неделя нового, 1948 года.

Для нас и неделя — срок немалый. Ко времени мы привыкли относиться по-особому. Чувство постоянно движущегося и зовущего за собою времени стало как бы шестым чувством советского человека.

Не растраченное напрасно, в честном труде прожитое время — это расцвет нашей Родины, приближение к коммунизму. Это наше счастье, и счастье наших детей и внуков. Это исполнение всенародной — взлелеянной каждым — мечты.

К результатам минувшей, первой недели нового года особенно пристально присматривались на наших заводах и стройках. Темп, взятый с первых же дней, должен определить пульс всего предстоящего года. А год этот — особенный. Он решает исход борьбы советских людей за выполнение послевоенной сталинской пятилетки в четыре года. В нынешнем и в будущем — 1949 году предстоит осуществить программу, заданную промышленности и всему народному хозяйству страны не на два, а на три года.

Мы поставили своей задачей: перейти на новые скорости, еще более уплотнить время. Ленинградцы первыми бросили этот клич, и весь народ наш подхватил его единодушно.

И потому с первого же утра нового года, с первого трудового дня, — прежде, чем начать новое восхождение к вершинам, — мы пристально вгляделись в открывающийся путь.

Московский завод «Борец» Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР обладает всеми распространенными чертами советской производственной жизни. Это передовой завод, закончивший производственный план минувшего года почти за месяц до срока — 4 декабря. В 1944 году завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени; в самый канун нынешнего года, 31 декабря, был опубликован Указ о награждении завода орденом Ленина. Это очень хороший завод. Но таких заводов у нас немало, и то, что происходит там, достаточно типично для всей нашей промышленности.

Редакция задала вопрос директору:

— Каков был у вас итог прошлого года?

— Мы примерно на 40 проц. превысили уровень довоенного производства, — ответил нам директор завода «Борец».

— А что должно быть сделано в нынешнем году?

— В нынешнем году мы должны на 12 проц. превысить уровень 1947 года.

Он рассказал о новых машинах, которые следует освоить, — о машинах, которые стоят на испытательных стендах или испытываются на нефтяных промыслах и скоро должны пойти в серийное производство. Но главное не в этом. Главное, по словам директора, заключается в непрерывном и напряженном выявлении всех возможностей, которые позволили бы увеличить производственную мощность. В прошлом году завод значительно увеличил свою производительность, и это произошло не потому, что начали действовать какие-либо новые цехи или новые машины. Нет, это был результат долгих раздумий, итог внедрения в жизнь четырехсот рационализаторских предложений, поступивших от рабочих.

Творческая мысль коллектива — это главная сила в выполнении всех наших планов.

В прошлом году тот же завод «Борец» получил задание выпустить для нефтяной промышленности лебедки нового типа. Фрезеровщику Александру Павловичу Грачеву нужно было производить нарезку зубчатого венца на шестернях для этих лебедок. По технической норме, на нарезку положено было 24 часа. Но уложиться в эту норму Грачеву никак не удавалось. Шестерня простаивала на станке по 36 часов. С каждым днем отставание становилось все большей угрозой для цеха. Грачев усовершенствовал производственный процесс и постепенно довел процесс обточки до 17 часов. Но когда он задумался над своей работой, то и достигнутого ему показалось мало. Он рассказал о своих замыслах технологу цеха. Инициатива стахановца и знания технолога об'единились в общем усилии. В выходной день они сами изготовили задуманное приспособление, которое позволяло перевести станок Грачева на иной режим и пустить его на полную скорость.

Деталь была готова через пять с половиной часов.

Техническая норма была превышена в пять раз.

Это был напряженный день, — день огромного творческого под'ема, — и о нем, понятно, не расскажешь в нескольких строчках. День этот обозначал, однако, переход на новые скорости не только для станка, но и для самого Грачева. В результате этого дня он получил возможность **обогнать время** и выполнить свой план задолго до срока, перейдя на нормы и темпы иных, грядущих лет.

— Что же дальше? — был задан вопрос Грачеву. — Что несет вам с собою новый год?

— А дальше нужны новые скорости, — сказал он. — Это сейчас для нас самое важное — скорость.

Новые скорости, новые темпы движения к цели, намеченной в пятилетке, — приметы наступившего года.

От социализма мы идем к коммунизму. В этом движении и у нас есть свои ведущие, свои колонновожатые, которые опережают других.

По ним должна сегодня равняться вся творческая мысль в нашей стране.

Чем больше ускоряем мы темп развития, тем большей помехой для нас становятся косность и рутинерство, в какой бы области нашей жизни они ни проявлялись. На производстве и в науке, в философии и в искусстве мы должны беспощадно освобождаться от груза косности, замедляющего наше движение, как мелкие ракушки, облепившие киль, замедляют ход океанского корабля.

Если наш передовой рабочий или колхозник шагнул уже в темпы и нормы жизни 1950 года, то и книги, и фильмы, и пьесы ему нужны такие, которые позволяли бы заглянуть в будущее, осмыслить новые законы жизни, воспитать в себе черты, соответствующие этим новым законам. Передовые идеи, продиктованные нашим движением к высотам коммунизма, должны быть источником вдохновения для каждого художника. Художник, который отстает от первой линии и плетется в обозе, — это уже не художник. Творчество его не может быть ни для кого интересно. Более того, оно вредно, потому что мешает идущим впереди.

Безидейность — родная сестра рутинерства и косности. Если художник или ученый подходит к своему труду без партийной взыскательности, без ясного понимания основных задач, продиктованных временем, — результат сказывается немедля. В литературе это порождает такие ошибки, как некритическая идеализация прошлого, аполитичная неразборчивость в выборе и характеристике героев, когда писатель, вместо того, чтобы помочь советскому человеку увидеть отягощающие пережитки прошлого и освободиться от них, чуть ли не возводит эти пережитки в достоинство, в примету «самобытности» героя. В науке безидейность приводит к защите реакционных теорий, как это произошло с некоторыми генетиками, взявшими под защиту не изжитое Дарвином мальтузианство. Безидейность связана и с низкопоклонством перед мнимыми западными авторитетами, с отгораживанием от современности, как это случилось с иными языковедами и диалектологами.

В борьбе с косностью и рутинерством, с безидейностью и аполитичностью мы не можем оставить ни одного непроветренного уголка.

Будем же стремиться быть в передовых рядах, в боевой разведке нашего близкого и светлого будущего.

К СУРОВОМУ ОТВЕТУ!

Гатчинский рабочий тов. А. С. Романовский послал в редакцию «Литературной газеты» письмо. Оно заканчивается следующими словами: «Ответьте мне, товарищи из редакции, писаны ли советские законы и для наших районных руководителей?»

Отвечаем вам, тов. Романовский: писаны! Писаны для всех, независимо от ранга, общественного положения и личных вкусов. Писаны, потому что все советские законы служат одной цели — благу народа, потому что наши законы диктуются только интересами народа — и ничем иным!

Тов. Романовский рассказывает в письме о злоключениях, выпавших на его долю в один из вечеров второй половины декабря 1947 года:

«...Иду я в седьмом часу вечера с работы и думаю про себя: хорошо, что нет у нас теперь карточек, нет никаких пропусков, прикреплений и т. п. Зайду в в любой магазин, куплю ситного хлеба, масла, конфет — чем плохой ужин? Добираюсь до первого попавшегося продмага. Немного удивлен тем, что навстречу мне из дверей выбегают с руганью посетители, но вхожу. Обращаюсь к продавцу: отпустите мне то-то и то-то. Он говорит: у нас, к вашему сведению, специальный магазин и продукты отпускаются только по пропускам».

События, которые, как сообщает тов. Романовский, и заставили его написать это письмо, далее развертывались следующим образом. Зашел он в другой магазин, но убедился, что и там необходим был пропуск — продукты отпускались только работникам милиции. Не смог тов. Романовский запастись ситным и в третьем магазине (там такая привилегия была предоставлена железнодорожникам), не смог и в четвертом... В конце концов, тов. Романовскому удалось набрести на магазин, где у него не спросили пропуска, но, к сожалению, к тому часу, когда он появился там, нужных продуктов уже не оказалось.

Выходит, есть в Гатчине магазины? Есть, конечно, и в количестве для столь небольшого городка достаточном. И продукты, оказывается, есть. Нет в Гатчине только одного—зоркого глаза, крепкой хозяйской руки, что схватила бы за шиворот нарушителей советских законов. Или, может, не туда смотрят «зоркие» глаза гатчинских районных руководителей? Во всяком случае, из двенадцати гатчинских магазинов только четыре можно с полным основанием назвать общедоступными. Немудрено, что в одном из таких общедоступных магазинов, куда и забрел напоследок тов. Романовский, полки оказались пустыми — сюда обращалось особенно большое количество покупателей. Ведь в другие-то магазины нужны были пропуска...

Есть в Калининградской области город Гвардейск. В Гвардейске, естественно, имеются магазины. Число этих магазинов, как пишут в редакцию тт. Слизов и Балобанов, после отмены карточной системы увеличилось. Но не уменьшилось число вывесок такого рода: «Отпуск продуктов только для работников райкома и райисполкома», «Вход по пропускам—«Промартель», «Вход по пропускам—отпуск продуктов для работников Речфлота», «Вход по пропускам—Гушосдор». Даже в магазинах «Универсалторга», которые как будто бы призваны обслуживать всех граждан — безразлично, плавают ли они на реках, или ремонтируют шоссейные дороги, — даже в этих магазинах не удержались от соблазна: «Вход по пропускам—отпуск продуктов для работников Универсалторга». Ну что, например, сказали бы москвичи, если бы за зеркальной дверью магазина «Гастроном № 1», что на улице Горького, они вдруг обнаружили предупреждение: «Вход по пропускам—отпуск продуктов только работникам «Главгастронома»?

Справедливости ради отметим, что три магазина в городе Гвардейске лишены подобных вывесок, но, во-первых, в эти магазины трудно пробиться (по той как раз причине, что их только три на весь город), а, во-вторых, в эти «открытые» магазины, в отличие от «закрытых», завозят меньшее количество продуктов.

Взволновало ли заведующего Гвардейским райторготделом тов. Забродину такое положение? Может быть, она просто не знает об этом (хотя такое «незнание» также не делало бы ей чести). Оказывается, не только знает, но... «На это есть решение райкома ВКП(б) и райисполкома, а я его выполняю. Мы сделали это в целях приближения торговых точек к учреждениям и населению».

Так ответила тов. Забродина на вопрос тт. Слизова и Балобанова.

В целях «приближения»? Странно понимают значение этого слова гвардейские районные руководители. Более уместно было бы употребить здесь иные слова: «в целях отдаления».

Видимо, в этих же целях руководство Златоустинского машиностроительного завода (директор тов. Полетаев, парторг ЦК ВКП(б) тов. Иванов, председатель завкома тов. Сарычев) открыло при заводе специальный магазин, куда по особому списку допускается только 70 избранных работников.

Тов. Л. В. Левина, сообщившая из Златоуста об этом факте в редакцию, пишет: «Наши рабочие так поняли Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б), что оно означает реальное улучшение материально-бытовых условий для всего народа, а не для отдельных работников. Почему же в нашем далеком уголке пытаются устанавливать свои порядки?»

Тт. Слизов и Балобанов, заключая свое письмо из Гвардейска, заявляют: «Мы считаем это грубым нарушением Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б). Мы надеемся, что виновные в нарушении развернутой торговли и создании закрытых распределителей понесут заслуженное наказание».

Правильно поняли златоустинские рабочие Постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б). И напрасно вы думаете, тов. Левина, что в вашем «далеком уголке» иным руководителям с барскими замашками удастся установить «свои порядки».

Правильно называете вы, тт. Слизов и Балобанов торговлю по методу Забродиной — грубым нарушением Постановления Совета Министров и ЦК ВКП(б). Вы смело можете рассчитывать на то, что виновные понесут заслуженное наказание, так же, как на это могут смело рассчитывать все те граждане, которым,—увы!— еще приходится сталкиваться с чиновниками.

Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) об отмене карточной системы и переходе к развернутой торговле воспринято миллионами советских людей, как свидетельство заботы партии и правительства о благосостоянии советского народа.

Жаль, что есть еще у нас забюрократившиеся работники, которые, видимо, не могут (или делают вид, что не могут) понять значение этого постановления. Таких людей нужно призвать к ответу. К суровому ответу!

И. БАРУ.

Советское издательство в роли пропагандиста враждебной идеологии

Вот рассуждение, которым обычно манипулируют агенты Уолл-стрита, восхваляющие американскую «демократию»:

«Так очень рано в нашем американском развитии появляется решимость сопротивляться всякой изолированной радикальной группе, стремящейся захватить власть... В основе этого глубокого общественного убеждения лежит какой-то инстинктивный страх перед уничтожением прав личности. Каждая угрожающая Америке групповая диктатура — аграрная, пролетарская, сектантская, военная или какая-либо другая, вызывает широкое недовольство и рассматривается, как движение, чуждое нашему историческому опыту, как проявление европейско-континентального классового сознания, как болезнь, и Атлантический океан, как мы предполагаем, дает спасительный иммунитет».

Этот панегирик буржуазной Америке содержится в книге У. Бинкли «Политические партии Америки», только что (и весьма любовно) напечатанной Государственным издательством иностранной литературы.

По утверждению автора, книга является попыткой изложить историю американских политических партий. Бинкли — один из закоренелых реакционеров республиканской партии США. Его «историческое» исследование целиком и полностью соответствует звериной идеологии американского империализма. С первой и до последней страницы (а их в книге 490) ученый лакей Уолл-стрита откровенно пропагандирует замыслы современных хозяев Америки, извращает исторические факты, события, имена, восхваляет американскую буржуазную демократию, всячески запутывает вопрос о традиционной двухпартийной системе США.

Чтобы убедиться в том, как грубо извращаются исторические факты в книге Бинкли, достаточно привести хотя бы следующее откровение: «Одна из трагедий современной республиканской партии состоит в том, что хотя она и возникла, как защитница свободного труда, хотя республиканские законодатели в руководящих республиканских штатах явились пионерами рабочего законодательства, несмотря на то, что при руководстве Мак-Кинли и Ханна коренные рабочие были ей верны — в нынешнем поколении она позволила тем элементам внутри партии, которые могут дать ей избирательные фонды, но не голоса, увести себя на позицию, явно враждебную рабочим» (стр. 489).

Если принять за чистую монету эти откровения Бинкли, то лидеры республиканской партии являются «поборниками справедливости», «друзьями рабочих», их «защитниками» и «ходатаями». Во всей книге идет идеализация и прикрашивание финансовых и промышленных магнатов, лидеров обеих партий, президентов США.

Автор бесстыдно восхваляет, как «рабочего заступника», Маркуса Ханна, одного из крупнейших промышленников Америки, доверенного человека Рокфеллера, известного мастера политических интриг и подкупов, главного «босса» республиканской партии. Если поверить У. Бинкли, то еще «в 70-х годах Ханна предпочитал иметь дело с организованными рабочими посредством коллективных договоров» и что он «может считаться творцом этой практики» (стр. 422). И дальше: «Ханна относился с исключительным пренебрежением к угольным баронам, особенно к Джорджу Ф. Бэру, за их отказ принять третейский суд во время забастовки на антрацитных шахтах в 1902 году». Как доказывает автор, «Ханна вовсе не был кумиром капиталистов. Его сердечные отношения с рабочими казались изменой в глазах многих... Что могли думать капиталисты о политике, вышедшем из их же собственных рядов, который ставил вопрос о том, почему бы правительству не создать государственные предприятия» (стр. 423).

Вот, оказывается, каким был Маркус Ханна, промышленник и провокатор, который чуть-чуть «не врос» в социализм!

В книге фальсифицируется деятельность правительства Теодора Рузвельта, а сам президент, открыто развивавший идею мировой гегемонии США, описан, как почти законченный «друг» рабочего класса. А ведь этот самый «друг» неоднократно клялся бороться с «проводниками недовольства — агитаторами». Он жестоко подавлял выступления фермеров и рабочих, положение которых при его правлении неуклонно ухудшалось.

Другой республиканский президент, Вильям Тафт, консерватор и верный слуга финансовой группы Рокфеллера, Дюпона и др., также изображается в ореоле «благодетеля». Искажая исторический портрет этого реакционера и душителя рабочих, У. Бинкли говорит о Тафте, что «репутация противника рабочих едва ли им заслужена» (стр. 459). Имя этого «благодетеля» до сих пор вспоминают с проклятием даже трудящиеся Латинской Америки, ибо не кто иной, как Тафт, явился инициатором и проводником «дипломатии доллара». По его инициативе «Международный союз американских республик» был превращен в «Пан-американский союз», ставший орудием порабощения соседних народов.

Один из виднейших сторонников нынешней «старой гвардии» республиканской партии, поджигатель войны Герберт Гувер обрисован, как «простачок» и «новичок» в политике.

Пользуясь этим же принципом восхваления и фальсификации, автор извращает историю демократической партии и некоторых ее лидеров. О политике Вильсона и его законодательстве У. Бинкли пишет, например, что «...впервые в американской истории рабочий класс имел дело с правительством, которое открыто и официально относилось к нему по-дружески. Рабочие считали избрание Вильсона своей победой» (стр. 465). Тактика Вильсона в области рабочего движения была гибкой и хитроумной. Не скупясь на различного рода обещания и заверения, он в то же время, не задумываясь, посылал войска для подавления стачек. Автор книги не может не знать, что именно недовольство масс политикой Вильсона привело демократическую партию к поражению на выборах в Конгресс осенью 1918 года.

Не скупясь на панегирики так называемым «друзьям» трудящихся, У. Бинкли всячески чернит и умаляет роль таких выдающихся государственных деятелей США, как Линкольн и Франклин Рузвельт. О Рузвельте он пишет: «...не будет ничего оскорбительного, если мы скажем, что Франклин Д. Рузвельт был... самым закоренелым оппортунистом» (стр. 475).

О Линкольне У. Бинкли заявляет, что, дескать, Альберт Дж. Беверидж «с горечью обнаружил, что Линкольн, будучи членом иллинойского законодательного собрания, считался с каждым колебанием и настроением своих избирателей — он получил награду благодаря совершенно неясной позиции и колеблющемуся поведению».

В глазах У. Бинкли типичным «революционным лидером» рабочего класса США является Гомперс, основатель желтых американских профсоюзов, заклятый враг Советского государства.

Вполне естественно, что всю «историю политических партий Америки» У. Бинкли излагает, исходя из подобных «научных» взглядов.

Апологет идей и деятелей американского империализма иногда прикрывается в своей книге демагогическими рассуждениями о «традициях народа», о «непримиримости к диктатурам», — одним словом, всеми теми рассуждениями, которыми обычно жонглируют идеологические лакеи американской реакционной буржуазии.

Итак, в наши дни, когда американские империалисты, проповедуя новую экспансию и развивая бешеную подготовку к войне, стремятся навязать свою власть всему миру, советское издательство выступает в роли пропагандиста американского империализма. Издательство прикрывается предисловием, написанным Л. Зубок. В этом предисловии оговорены некоторые «ошибки» У. Бинкли. Но вместе с тем в нем говорится, что, дескать, настоящая книга «представляет интерес для советского читателя... она поможет ему изучить политические партии США, лучше разобраться в политических нравах заокеанской республики» и т. д. и т. п.

Государственное издательство иностранной литературы выступило в роли пропагандиста враждебных взглядов.

В. ЧЕРНЫШЕВ.

У. Бинкли. «Политические партии Америки». Государственное издательство иностранной литературы. Москва, 1947 г. Цена 24 руб. 50 к.

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ПТИЦЫ

«Черный рейхсвер марширует» — под таким заголовком газета «Берлин ам миттаг» сообщает о формировании под американским контролем так называемой «промышленной полиции». Ее щегольская военная форма похожа на ту, которую носили в лейбштандартах СС.

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

РАЗВЕДЕНИЕ ЭСЭСОВЦЕВ ДОЛЛАРОВОЙ ПОРОДЫ

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении писателя Сосюра В. Н. орденом Ленина

За плодотворную деятельность в области художественной литературы и в связи с 50-летием со дня рождения наградить писателя Сосюра Владимира Николаевича орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ШВЕРНИК.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 5 января 1948 г.

Американские башибузуки

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Весело и оживленно в батумском порту. Сюда со всех концов света прибывают все новые и новые партии армян, репатриированных из Америки, Сирии, Ливана, Греции, Франции и других стран.

Со многими армянами, вернувшимися на родину, мне приходилось разговаривать, и немало жалоб пришлось слышать от тех, кто приехал из Америки.

Любой человек неамериканской национальности, проживающий в США, на каждом шагу чувствует высокомерное, недоброжелательное отношение к себе — «чужестранцу».

«Так называемая демократия США, — говорит репатриант Пачев Гугасзян, — никогда не пыталась сделать нас полноправными гражданами, на нас всегда смотрели, как на чужих, потому что наши глаза и волосы были черными...»

Пресловутая «теория» расового превосходства распространена даже и среди американской интеллигенции.

Магистр химических наук репатриант Т. рассказывает о том, как заметно изменилось отношение профессора к своему любимому аспиранту, когда профессор узнал, что аспирант—не американец, а армянин. Тот же Т. пишет о положении молодых ученых в Америке: «В период моей научной деятельности в Америке я столкнулся с большими трудностями, особенно в последние годы, когда давление реакции выросло в необычайных размерах».

Казалось бы, в Америке никто не заинтересован в пребывании там армян — «граждан второго сорта», однако, как только стало известно о возвращении в Советскую Армению первой партии американских армян, репортеры херстовских газет, дашнаки и другие провокаторы ходили по домам возвращающихся армян, всячески пытаясь заставить их отказаться от от'езда в Советскую Армению. Убедившись в том, что никакие угрозы и клевета по адресу Советского Союза не могут приостановить мощное движение репатриации, они напечатали в своих газетах портреты репатриантов с хулиганскими надписями: «Проклятые красные армяне», «Америка разоблачила заговор бегства красных агентов в Россию». Они весьма откровенно высказывали пожелания, чтобы пошел ко дну корабль, везущий армян на родину. Не было также недостатка во всякого рода угрозах, ругани по телефону и т. д.

За неделю до отбытия первой партии из Америки армяне, проживающие в Бостоне, решили организовать прощальный вечер в кэмбриджской гостинице «Kommander Hotel». Скромный банкет так и не состоялся, потому что он был сорван членами фашистской организации «Американских ветеранов». Они прибыли к гостинице на своих автомашинах, оборудованных репродукторами. Из этих репродукторов все время раздавалась площадная ругань по адресу армянских репатриантов. Фашистские хулиганы осмелились даже вывесить транспаранты с наглыми надписями вроде «Долой красных армян» и тому подобные перлы «демократии» доллара.

Амбарцум Голаган был вынужден по семейным обстоятельствам отдать своих детей в один из американских миссионерских приютов, где они содержались за его счет. Получив радостную новость о репатриации, он сразу поспешил в приют, чтобы взять своих детей и вместе с ними поехать на родину, но в приюте отказались отдать ему детей. Он подал в суд. Но американский суд разрешил дело в пользу приюта и вынес варварское решение — отнять у родного отца его 6-, 11- и 12-летних детей.

Один репатриант, бежавший из Армении в 1915 г. от турецкой резни, горько заметил:

«Мы возвращаемся как будто не из Америки, а из Турции».

Г. ЭМИН.

БАТУМИ.

Памяти Хачатура Абовяна

ЕРЕВАН. (От наш. корр.). Состоялось заседание республиканской юбилейной комиссии по ознаменованию исполняющейся в нынешнем году столетней годовщины со дня смерти Хачатура Абовяна. В юбилейные дни Академия наук Армянской ССР, Ереванский государственный университет и Союз советских писателей республики проведут научную сессию, посвященную литературной и общественной деятельности писателя. Готовится выпуск академического издания сочинений Абовяна, будет переведен на русский язык его роман «Раны Армении». Решено организовать юбилейную выставку и издать научно-популярную биографию Абовяна.

На заседании был также обсужден вопрос о проекте памятника Абовяну и об установлении мемориальных досок в местах, где жил и бывал писатель.

Художественная выставка в Заполярье

В г. Салехард (Заполярье) открылась первая художественная выставка, посвященная творчеству художников Заполярья. Большинство произведений отображает социалистическое строительство в тундре. Среди экспонатов выделяется картина Истомина «Легендарный герой ненецкого народа Ваули Виэттомин».

Выставку посещают охотники, оленеводы и рыбаки Крайнего Севера.

Да здравствует Народная Республика!

Письмо из Бухареста

На холме, доминирующем над юго-восточным районом Бухареста, высится куполообразное здание румынского парламента. Большой зал парламента повторяет внешние формы здания. Неширокие коридоры охватывают двумя полудугами зал. Стены коридора увешаны фотографиями, воссоздающими более чем шестидесятилетний путь румынской монархии. Если пройти из одного конца коридора в другой, фотоснимки воскресят любопытные детали.

Окруженный нестройной толпой депутатов, несмело выступает вперед Кароль I, чуть-чуть наклонив сутуловатую фигуру. Любопытная судьба у этого человека, которому суждено было стать первым королем Румынии. Когда кучка земельных магнатов решила обратить страну в королевство и добилась покровительства Бисмарка, будущий король Румынии был всего-навсего артиллерийским офицером прусской армии, неприметным отпрыском одной из ветвей Гогенцоллернов. Он имел весьма смутное представление о стране, верховным правителем которой ему суждено было стать. Сделавшись королем, он так и не сумел изучить язык своих подданных и всю жизнь говорил с ними с помощью переводчика.

Артиллерийский лейтенант стал первым помещиком Румынии. В то время как крестьянство изнывало от недостатка земли, титулованные магнаты, возглавляемые королем, сосредоточили в своих руках немногим меньше половины всей земельной площади страны.

Среди особ, окружающих короля, из одной фотографии в другую переходит сухопарый старик с клинообразной бородкой. Это небезызвестный фельдмаршал Авареску, неоднократный румынский премьер, военный министр и начальник генерального штаба. В Румынии утверждают, что он был особо доверенным лицом и интимным другом первого румынского монарха. Трудно сказать, что связывало монарха и фельдмаршала: немецкая военная школа, которая дала профессиональное воспитание и одному и другому, или увлечение скорострельной артиллерией. Однако известно, что в трудные минуты, которыми была богата жизнь и короля и фельдмаршала, один всегда приходил на помощь другому. В Румынии хорошо знают, что в 1907 году, когда огонь невиданного доселе в стране крестьянского восстания охватил молдавские и валашские просторы, угрожая не только владениям сиятельного помещика, но и самой короне, на помощь пришел вот этот поджарый старикашка с мефистофельской бородкой. Бросив против восставших 150 тысяч солдат, вооруженных скорострельной артиллерией, он в один прием начисто смел с лица земли добрую дюжину деревень.

Впрочем, искусство подавления крестьянских восстаний с помощью артиллерии было в королевской семье преемственным, как и сама любовь к артиллерии. На фотографии следующий румынский король — Фердинанд. Он приходится племянником Каролю I и унаследовал престол в силу того, что Кароль был бездетен. Чтобы не попасть в щекотливое положение, в котором в свое время оказался Кароль, и не явиться в страну без знания языка, он поселился в Румынии задолго до того, как стал королем, двадцать лет дожидался престола, но так и не сумел толком осилить язык.

Зато он преуспел в другом. В 1924 году в бессарабском местечке Татарбунары разразилось мощное крестьянское восстание. В эти дни любовь румынского королевского дома к артиллерии вновь принесла свои «плоды». Операции возглавил Георгий Татареску. Он был тогда еще совсем молод и дослужился до субсекретаря министерства внутренних дел. Его хищный, будто исклеванный оспой нос и широкую обезьянью губу легко обнаружить на фотографиях тех лет. Результаты артиллерийской экспедиции в Татарбунары вскоре стали известны: бессарабскому селу это стоило тысячи жизней, а Татареску увековечил себя для современников и потомков под именем Татарбунареску.

Если говорить о безудержном королевском произволе, то надо упомянуть и имя следующего румынского короля Кароля II. В отличие от своих предшественников, он родился в Румынии и, как свидетельствует хроника, был первым румынским королем, который, наконец, одолел румынский язык. Но от этого он не стал в меньшей мере пруссаком, глубоко безразличным к стране, ее народу. Человек, не перестававший твердить: «Мы — конституционная монархия», разогнал все политические партии, распустил парламент и установил в стране власть своего прусского сапога. Вот блестящая плеяда его премьеров: Маниу — герой Лупени, Вайда-Войвола — герой Гривицы... И каждое имя — кровь, кровь, кровь...

Хочется поскорее выбраться из удушливой полутьмы этого коридора, населенного страшными тенями, попасть в среду настоящих людей...

А люди эти здесь вот, рядом.

Сегодня в парламенте великий день. Большой зал бурлит от ликования: только что парламент принял акт об отречении последнего «румынского Гогенцоллерна» — короля Михая — и провозгласил создание Народной Республики.

Избирается Верховный Президиум Республики, облеченный властью первого президента.

Сейчас парламент назовет их имена. Правительственные трибуны, партер, хоры, до отказу переполненные народом, ждут этой заветной минуты. А пока окинем беглым взглядом скамьи депутатов.

Как изменился за эти годы парламент! Скамьи депутатов заполнены преимущественно простыми людьми, одетыми скромно и строго. Издали угадываются места массовой крестьянской организации «Фронт плугарей»; депутаты-плугари одеты в национальные костюмы: полотняная нарядно расшитая рубашка, узкие брюки.

Но вот новый прилив ликования охватывает зал.

Избраны члены Верховного Президиума.

На трибуну поднимается первый из них, академик Константин Пархон.

Звучат слова присяги: «Клянусь защищать права и демократические свободы румынского народа, независимость и суверенитет Румынской Народной Республики...»

Кому неизвестно в стране имя этого человека, выдающегося ученого и пламенного антифашиста! Эндокринолог, чьи работы пользуются мировой известностью, он в суровую пору фашистского произвола поднял гневный голос против Антонеску. Престарелый ученый был подвергнут самому страшному для него наказанию: он был лишен кафедры и права выступать перед студентами. Народ, взявший в свои руки власть, вернул Пархона в университет, облек его высоким званием депутата парламента и вот теперь поставил во главе государства.

Присягает академик Михаил Садовяну.

Это — выдающийся культурный и общественный деятель страны. Крупнейший румынский прозаик, единственный из живых классик отечественной литературы. В прошлом председатель сената, ныне — председатель парламента. Один из лучших знатоков русской прозы. Переводчик Тургенева, автор книги о советской стране — «Свет идет с Востока».

Присягают члены Верховного Президиума рабочий Никули, журналист Войтек, адвокат Стере...

Присяга принята.

Народ облек своих избранников верховной властью.

...С возвышенности, на которой стоит парламент, далеко вокруг видна столица молодой республики.

Заветная весть уже облетела город, облетела всю страну.

Народ славит свою свободную Родину:

— Да здравствует Румынская Народная Республика!

Андрей БЕЛОЗЕРОВ

Факты без комментариев

АМЕРИКАНСКИЕ МИНИСТРЫ ЗАЩИЩАЮТ ФАШИСТОВ

Член палаты представителей демократ Себес (от штата Иллинойс) протестовал против разрешения откровенному фашисту Джеральду Смиту, постоянно заявлявшему о своих симпатиях к Гитлеру, проводить собрания в общественных местах. Министр внутренних дел США Круг в связи с этим заявил, что фашисты имеют право проводить свои собрания в любом общественном месте и что он не вправе запретить их, если фашисты «не нарушают законов».

ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА КАННИБАЛОВ

Среди аккуратно регистрировавшейся корреспонденции концентрационного лагеря в Освенциме находилось немало деловых писем известного немецкого концерна «И. Г. Фарбениндустри», пользующегося ныне особым покровительством крупнейших американских дельцов. Вот выдержки из этой переписки:

«... В связи с необходимостью провести опыты с новыми наркотическими средствами мы хотели бы получить от вас партию женщин. Считаем, однако, что цена в 200 марок за женщину слишком высока. Мы имеем возможность платить не больше 170 марок». «Подтверждаем получение 150 женщин. Несмотря на их изнуренное состояние, мы сможем их использовать». «... Испытания были проведены, все подвергнувшиеся им мертвы. Мы скоро поставим вас в известность о потребности в новых поставках женщин».

«КОМПРОМИСС» МАКАРТУРА

Штаб генерала Макартура в Японии разрешил японским детям кричать «банзай» в честь императора при том условии, если учителя «не будут наводить их на мысль об этом».

ДЕПУТАТ-«ПАТРИОТ»

Депутат французского парламента некий Пино во время обсуждения вопроса об ассигновании министрам средств для приобретения и содержания их личных автомобилей указывал, что речь может итти только об американских автомобилях, так как французская промышленность не выпускает автомашин, которыми министры могли бы пользоваться, «не роняя своего служебного достоинства и авторитета».

БАЛЬЗАК И РАБЛЭ ПОД ЗАПРЕТОМ

Недавно власти Южно-Африканского союза в специальном постановлении напомнили всем владельцам книжных магазинов, что произведения Раблэ были запрещены в Южной Африке еще в 1937 г. и потому издание их и продажа в дальнейшем запрещается. Сообщают, что произведения Бальзака также подпадают под действие этого «закона».

ВЫБОРЫ ПО-ГОМИНДАНОВСКИ

В Китае недавно состоялись первые «всеобщие выборы». Хотя голосование должно было быть тайным, бюллетени все же заполняли 500 тысяч специально нанятых профессиональных писцов, так как 75 проц. населения гоминдановского Китая неграмотно. Не удосуживаясь лично явиться на избирательные пункты, хозяева посылали опускать бюллетени своих слуг, родители — детей. Неиспользованные бюллетени скупались главарями банд, стоявших за кандидатами. В Шанхае многие иронически настроенные избиратели сделали следующие надписи на бюллетенях: голосуем «за карточки на рис», «за тиранию крупного капитала», «за приближение дьявола». В городе Чанша произошли стычки между соперничавшими группами, и у самых урн было убито 10 человек.

«ТВОРЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ» ГОЛЛИВУДА

После того, как Трумэн обратился к американцам с призывом «есть поменьше», в Голливуде решили проявить высокий образец «патриотизма» и употреблять при с'емках не настоящие продукты питания, а бутафорию, за исключением тех случаев, когда актеру приходится их есть. Однако индейки из папье-маше и фрукты из пластмассы обходились слишком дорого, и студии поставили сценаристам категорическое условие — избегать вообще сцен с едой.

ХЛЕБНЫЕ КРОШКИ

Франко об'явил, что норма выдачи хлеба населению будет сокращена от 20 до 40 проц. Как замечает американский журнал «Нью мэссес», испанцы опасаются, что им скоро будут доставаться одни хлебные крошки.

ЗАПРЕЩАЕТСЯ КРИТИКОВАТЬ ТРУМЭНА И ПРОИЗНОСИТЬ СЛОВО «ИМПЕРИАЛИЗМ»

В Чили опубликовано официальное распоряжение властей, категорически воспрещающее «какие бы то ни было выпады против Соединенных Штатов, а тем более против личности Трумэна». Тем же распоряжением строжайше запрещается пользоваться в любой информации словом «империализм», а также «критиковать режим Франко».

Тайная сделка Даллес—де Голль

Помещаемая нами статья напечатана в декабрьском номере бюллетеня «Рипорт он уорлд афферс», издаваемого в США известным и осведомленным прогрессивным журналистом Иоганнесом Стилом.

Только пять человек присутствовало на совершенно конфиденциальной беседе, во время которой генерал де Голль категорически потребовал от Джона Фостера Даллеса, чтобы он (де Голль) был признан не только будущим главой диктаторского режима во Франции, но также будущим генералиссимусом союзных сил в «неизбежной» войне против русских; чтобы Франции были переданы бывшие итальянские колонии в Северной Африке и, в частности,—Ливия; чтобы Соединенные Штаты немедленно вооружили 40 дивизий оружием новейшего типа, в том числе самолетами и танками. Эти сорок дивизий должны явиться ядром армий вторжения.

Де Голль согласился на встречу с американским делегатом лишь после того, как Даллес заверил члена деголлевской партии, что он, Даллес, не сомневается в том, что генералу предстоит стать будущим хозяином Франции, и сознает, что в его лице он встречает не только лидера политической партии. Когда оба эти человека встретились, Даллес обращался с де Голлем, как с будущим Бонапартом.

Тем не менее, в течение первой половины встречи генерал не решался изложить свою программу до тех пор, пока Даллес не воскликнул: «Я знаю, генерал, что вы не могли притти к согласию с правительством Рузвельта и с последователями «Нового курса». Но времена значительно изменились. У нынешнего правительства и конгресса иной взгляд на международные дела, и они знают, как нужно ценить человека, который, подобно вам, может спасти Францию и Западную Европу».

После этого де Голль стал более любезен и разговорчив. Он развил свой тезис о том, что война с Россией не только неизбежна, но и почти неотвратима. Чтобы разбить Россию, по мнению де Голля, необходимо об'единить Западную Европу как экономически, так и стратегически. Де Голль подчеркнул, что он стоит за раздел Германии, так как это позволит включить сильную в индустриальном отношении Западную Германию в состав Западной Европы. Соединенные Штаты, Англия и Франция будут, таким образом, иметь возможность организовать и осуществлять контроль над Западной Германией, особенно над Руром, в соответствии с требованиями международной ситуации. В случае войны Рур будет производить оружие и другие стратегические материалы для «союзников Западной Европы».

Затем генерал снова указал Даллесу, что, как диктатор Франции, он должен быть также главнокомандующим союзных сил в «неизбежной» войне против русских.

Даллес прямо потребовал от де Голля заверить американское правительство в том, что на этот раз его режим удержится, если он будет открыто поддержан Соединенными Штатами. На мгновение де Голль казался оскорбленным, но затем он поспешил заверить Даллеса в том, что он не отступит «в следующий раз». Де Голль об'яснил: «Два года тому назад народ поддерживал меня лишь эмоционально. На этот раз он будет организован с самого начала и окажется в состоянии справиться с любыми чрезвычайными обстоятельствами, которые могут возникнуть, а также будет готов устранить всех наймитов Москвы».

Даллес заявил, что Соединенные Штаты были бы склонны оказать гораздо большую помощь устойчивому и твердому режиму де Голля, чем исполненной хороших намерений, но слабой «четвертой республике». Де Голль улыбнулся и сказал: «Американские газеты... очень скоро будут вынуждены признать, что мое правительство является сильным и знает, как упрочить свою власть». Де Голль заверил Даллеса, что его правительство совершенно порвет с Россией и другими странами Восточной Европы и аннулирует договоры о дружбе, заключенные с ними, как и другие соглашения по вопросам экономики и культуры. Принося в жертву все свои отношения с Восточной Европой, Франция, естественно, потребует компенсаций помимо ассигнований средств по плану Маршалла.

Здесь Даллес завел разговор об итальянских колониях. Зная мечту де Голля о великой Французской империи, американский представитель сам намекнул, что Франции могут быть переданы некоторые бывшие итальянские территории в Северной Африке, в частности, столь желанная Ливия. Это расширит французские владения в Северной Африке от Касабланки на восток до египетской границы. Де Голль едва мог скрыть свое волнение в связи с этим заявлением и немедленно предложил включить в качестве одного из своих непременных условий присоединение итальянских колоний к Франции.

Даллес весьма откровенно об'яснил, что он и многие другие «советники» государственного департамента и президента Трумэна смирились с потерей Италии в конечном счете. Даллес сказал: «В Италии нет де Голля, но с де Голлем во главе устойчивого французского правительства мы можем быть уверены не только в том, что удержимся в Западной Европе, но и обеспечим безопасность Средиземного моря». Даллес и де Голль оказались в полном согласии относительно Италии, которую они рассматривают в настоящий момент как предмет взаимных обязательств.

Сразу же после двухчасовой беседы с Даллесом де Голль заявил одному из своих ближайших политических друзей: «Я чрезвычайно удовлетворен. Даллес — первый американец, встреченный мной, который понимает меня и проблемы Франции. Я надеюсь, что он станет государственным секретарем к тому времени, когда я приду к власти». Это замечание было сейчас же передано членам американского посольства в Париже, которые, в свою очередь, информировали государственного секретаря Маршалла в Лондоне. Таким образом, прежде чем Даллес смог сделать свое сообщение Маршаллу о де Голле, государственный секретарь уже знал, кого генерал «избрал в качестве его преемника».

Де Голль заявил также Даллесу, что он не рассчитывает притти к власти раньше марта 1948 года и что он, возможно, изберет нынешнего премьер-министра Шумана для важного государственного поста.

В начале декабря в Нью-Йорк срочно прибыл «посланник» де Голля. Это—таинственный Реми (Жильбер Рено), который во время войны возглавлял деголлевскую разведывательную сеть в оккупированных районах Франции. Реми было приказано «перегруппировать» различные французские организации в Соединенных Штатах и Канаде, чтобы сделать их послушными орудиями деголлевской пропагандистской машины. Некоторые многочисленные группы свободных французов, организованные во время войны, оказали сопротивление и выразили неодобрение политической деятельности де Голля за последние два года. Другие же, как, например, бывший председатель нью-йоркской организации «Франция остается Францией» профессор Колумбийского университета Офгер, открыто выразили свою поддержку де Голлю, как будущему диктатору Франции. Реми указал, что Андре Мальро, возможно, будет назначен послом в Вашингтоне, так как он «чувствует себя неспокойно во Франции с момента своего разрыва с французскими левыми элементами».

О. КУРГАНОВ

„Месье Верду“ Чарли Чаплина

В двенадцатом, декабрьском номере журнала «Новый мир» за 1947 год напечатан киносценарий Чарли Чаплина под названием «Комедия убийств». Сам Чаплин назвал свой сценарий и поставленный им фильм—«Месье Верду». Но редакция «Нового мира» сочла, видимо, чаплиновское заглавие малопривлекательным, а, может быть, не совсем сенсационным и вынесла в заголовок ироническую и даже издевательскую фразу, которую Чаплин — и в сценарии, и в фильме — заключил в скобки: «Комедия убийств». Это может показаться пустяком, мелочью, ничего не значащей перестановкой фраз. Однако в сценарии Чаплина играют свою роль и все, казалось бы, «внешние» моменты.

Чаплин назвал свой сценарий «Месье Верду», а не «Мистер Верду», перенес действие фильма из Америки во Францию, отбросил героев — пусть в недалекое, но все же прошлое — на десять лет назад. Дело в том, что даже такой выдающийся художник, как Чарли Чаплин, не смог выступить с открытым разоблачением язв современной американской жизни, — он вынужден был завуалировать свою картину, придать ей видимость прошлого, а героев загримировать «под французов».

Обо всем этом, к сожалению, не рассказал журнал «Новый мир», и советский читатель, которому чужда сенсационность «драматургии ужасов», может пред'явить серьезные политические претензии редакции «Нового мира».

Прежде всего, редакция журнала не учла природу чаплиновских фильмов, в которых единым творческим ансамблем выступают Чаплин-сценарист, Чаплин-режиссер и Чаплин-актер. Все они дополняют друг друга. Чаплин-режиссер и Чаплин-актер обогащают Чаплина-сценариста; схема сценария обрастает художественной плотью. А представив советскому читателю только Чаплина-сценариста, редакция журнала обеднила облик одного из крупнейших современных художников. Если бы редакция уважала своего читателя, она бы этого не сделала.

Теперь обратимся к существу чаплиновского сценария «Месье Верду». Главный герой сценария — Анри Верду, маленький человек, банковский кассир, излюбленный чаплиновский персонаж. Двадцать пять лет трудился он в банке, изо дня в день считал «чужие деньги», а потом, в дни кризиса, банк лопнул, и Верду оказался на улице. У него больная жена и ребенок. Всем им грозит голодная смерть. И Верду начинает бороться. Верду называет это «войной в джунглях». Он становится убийцей. Он женится на богатых пожилых женщинах, а потом убивает и грабит их. Такова новая профессия Анри Верду. И эта профессия приводит его к гильотине.

Читатель с удивлением убеждается в том, что Чаплин относится к своему герою как будто бы с известным сочувствием. Для Чаплина—это одна из жертв преступного капиталистического общества. Вот страшная судьба маленького человека в буржуазном мире!—как бы подчеркивает Чаплин. Верду мог бы быть честным тружеником до конца жизни. Вот он идет по дорожке и, заметив ползущую гусеницу, подымает ее и уносит к забору, чтобы никто на нее не наступил. Вот он кормит голодного котенка. Вот Анри Верду везет по саду свою больную жену—она полулежит в кресле. «... Когда все вокруг очень уж мрачно и уныло, я ухожу мыслями в мой другой мир... Этот мир—ты и Питер, единственное, что я люблю на земле», — признается Верду жене. Но на следующий день он уезжает к очередной жертве, которую он уже выследил и поджидал лишь удобного момента для убийства. И здесь Чаплин рисует своего героя тоже, по сути дела, в сочувственных тонах — у Верду, дескать, нет иного выхода, он ведет «войну в джунглях».

А в зале суда Верду-убийца произносит обличительную речь в стиле бальзаковского Вотрена. «Да,—говорит Верду,—судьба дала мне ум и способности, и в течение двадцати пяти лет я отдавал их честному труду, но затем они стали никому не нужны. Я вынужден был сам придумать себе способ прокормиться... Но, поверьте, это была не легкая жизнь... Что касается до «массовых убийств», о которых говорил прокурор... разве в нашем мире они не поощряются? Разве у нас не готовят всевозможные орудия массового истребления людей? Разве у нас не разносят на куски ничего не подозревающих женщин и детей, проделывая это строго научными способами? Что я по сравнению с этими специалистами? Жалкий любитель, не более...»

Нет ничего удивительного в том, что все реакционные силы Америки, все эти атомщики и поджигатели войны, короли пушек и нефти, титулованные гангстеры и их слуги,—все они набросились на Чаплина, обвинили его в «антиамериканизме», потребовали суда над ним. Ведь даже при всей своей ошибочности фильм Чаплина — удар по трумэновской Америке, по звериной капиталистической системе. И нет ничего более гнусного, чем ханжеская, лицемерная критика фильма Чаплина, исходящая от убийц и палачей с Уолл-стрит.

В фильме так или иначе об'ективно отражен ужас жизни капиталистического общества. Фильм показывает и те трагические условия, в которых находятся художники современной Америки: они не могут сказать всей правды об окружающем их мире и порою оказываются жертвами господствующих в этом мире моральных и эстетических взглядов. Но, напечатанный в советском журнале, издающемся в нашем социалистическом обществе, то-есть в мире новых, самых передовых и самых прогрессивных идеалов, жизненных укладов, человеческих отношений, моральных устоев,—киносценарий «Месье Верду» вызвал серьезную и справедливую критику у советских людей. Вот почему мы считаем своим долгом высказать ее Чарли Чаплину, памятуя слова Герцена: «Мы не боимся высказывать самую жестокую правду, но мы это делаем, потому что любим». Да, мы любим Чаплина, большого художника, и с тем большей прямотой мы высказываем свои мысли о киносценарии «Месье Верду», напечатанном в «Новом мире».

У советского человека, разумеется, не может вызвать никакого сочувствия человек типа Верду. Это убийца. Как и сам Верду, так и его философия оправдания убийств может вызвать у советских людей лишь отвращение.

Верду глубоко пессимистичен, он живет в мире беспредельного отчаяния. «... Вы не очень верьте, — говорит Верду молодой девушке Рэнэ. — Мир жесток, и надо быть жестоким и злым, чтобы прожить в нем». «Неправда, — отвечает Рэнэ. — В жизни много несправедливого... и очень печального... но капля доброты иногда делает ее прекрасной». «Идите с богом, — говорит ей Верду, — пока вы меня не испортили вашей философией» (подчеркнуто нами. — О. К.). Верду не видит выхода и даже не ищет его, а большой художник Чарли Чаплин строит свое произведение таким образом, как будто он тоже полагает, что единственный «выход» для человека в буржуазном мире—это преступление, убийство. Советскому человеку, который обрел свободу и счастье в борьбе, чужда философия безысходного пессимизма. За минуту до смерти Верду говорит священнику: «У меня сейчас конфликт с Человеком». Эту предсмертную фразу вложил в уста Верду художник Чарли Чаплин и тем самым завершил портрет убийцы. Вера в Человека, любовь к нему, а не конфликт с ним, избавляют простых людей от участи Верду. Почему же Чаплин взглянул на мир глазами Анри Верду? Может быть, потому, что сам Чаплин жил последние годы в «джунглях Америки», как затравленный?..

Чаплин вошел в историю мировой кинематографии, как певец судьбы маленького человека. Тридцать шесть лет несет Чаплин это тяжкое бремя. Правда, у Чаплина уже сформировался свой идеал мещанского благополучия маленького человека — усадьба, собственный домик, спокойный утренний кофе. Чаплин не призывает своих героев к борьбе, в сущности он только с горечью рассказывает об их судьбе, об их муках. Он рассказывает об этом с подлинным сочувствием.

Маленький человек Америки был благодарен и за это художнику. Но теперь, после «Месье Верду», друзья Чаплина вправе упрекнуть его в измене этому маленькому человеку.

Мы повторяем, — киносценарий «Месье Верду» был рассчитан на людей того мира, где гангстеры делают политику, банкиры диктуют законы, а политики ни в чем не уступают гангстерам. Мы убеждены, что если бы Чаплин создавал фильм о гниющем капиталистическом мире для показа советскому человеку — мысль о персонаже типа Верду даже не появилась бы у него. Верду, да и весь чаплиновский замысел комического «обыгрывания» убийств — чужды и отвратительны нашему миру, нашей морали, этике, всему нашему жизненному укладу. Чужды они и всем простым, честным, трудовым людям мира, ведущим борьбу против звериного мира капитализма. Как же это не поняли писатели, редактирующие журнал «Новый мир»? Почему они сочли возможным предлагать читателю сценарий о «месье Верду», не высказав своего отношения к этому произведению?

Двадцать пять лет назад Чаплин создал фильм под названием «Пилигрим». В этом фильме шериф приводит арестованного Чарли, беглого каторжника, успевшего раскаяться, к мексиканской границе. Шериф хочет дать ему возможность бежать за границу. Чарли пользуется предоставленной ему свободой только для того, чтобы нарвать букет полевых цветов и поднести их своему конвойному. Тогда шериф ударом ноги выталкивает Чарли на «неамериканскую землю». Но там—восстание, выстрелы. Испуганный Чарли остается на рубеже: на американской земле его ждет тюрьма, а на мексиканской — борьба. Он никак не может решиться. Чарли уходит вдоль пограничной линии, переступая ногами так, чтобы не оступиться и не сойти с нейтральной черты, не зная, на что решиться, какую сторону избрать...

Этот далекий эпизод из чаплиновского фильма «Пилигрим» вспомнился нам теперь, после прочтения киносценария «Месье Верду». Очевидно, Чаплин слишком долго вел своих героев по нейтральной черте, и этот «ничейный рубеж» привел его к философии безысходного пессимизма. Но переступил ли этот рубеж сам Чарли Чаплин? Мы все же надеемся, что Чаплин выйдет из «нейтральной зоны», и тогда он обогатит мировое киноискусство новыми шедеврами, новыми картинами, полными любви к Человеку, зовущими к борьбе с волчьим капиталистическим миром.

Георгий МДИВАНИ

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

«Немая баррикада» — так назвал свою книгу рассказов чешский писатель-коммунист Ян Дрда *.

Читая книгу Яна Дрды, невольно вспоминаешь его героического соотечественника Юлиуса Фучика — автора книги «Слово перед казнью». Оба они пишут на одну и ту же тему, у них одно и то же стремление — разоблачить звериное лицо фашизма и его трусливых лакеев, противопоставляя им боевой дух чехословацкого народа.

Фучик боролся в застенках фашистских тюрем, как славный патриот и коммунист. Ян Дрда бился на баррикадах за освобождение родной страны.

Сборник рассказов «Немая баррикада» повествует о кровавых боях чехословацкого народа с оккупантами, о его великом сопротивлении, его любви к родине и свободе.

Я видел женских слез поток
И гнев в глазах мужчин.
Но погодите, близок срок—
Мы встанем, как один.

Эти четыре строчки Франтишека Галаса из «Песни скорби» открывают книгу Дрды. Первый рассказ «Высший принцип» говорит именно об этом «гневе в глазах мужчин», о немом сопротивлении славных сынов народа, сердца которых переполняются гневом, и вот-вот выльется этот гнев на улицах, на баррикадах, в жестоких боях. Так и случилось. Этот гнев вылился в пражском восстании, вылился в большой вооруженной борьбе чехословацкого народа против гитлеровцев.

Герои Дрды — не политические и государственные руководители, а простые, рядовые, ничем не выделяющиеся и незаметные люди. Это учителя, ученики школ, рабочие, ремесленники, бывшие полицейские, солдаты, бывшие бойцы интернациональных бригад республиканской Испании и просто служащие.

Искренно и тепло нарисовал Дрда образ русского матроса Григория Якимчука, вырвавшегося из рук гитлеровцев и принявшего участие в бою на улицах Праги. Матрос увидел, что здесь дерется народ за освобождение, а мог ли советский солдат не броситься в бой за свободу народа? И Григорий Якимчук, не имеющий ни паспорта, ни других документов, удостоверяющих его личность, сложил свою голову на улицах Праги и был похоронен, как неизвестный герой.

Читатель влюбляется в Бабанека, «некрасивого, худого человека в коротком зимнем пальто и черном потертом котелке с холодными, как сталь, глазами», который ходит по тирам города и с бухгалтерской точностью учится стрелять. И когда потом снайперскими выстрелами Бабанек укладывает на баррикадах одного за другим пятнадцать гитлеровцев и кто-то с завистью восклицает: «Пятнадцать!»—бухгалтер Бабанек тихо говорит:

«Пятнадцать... Что такое пятнадцать? Мальчика моего застрелили. А за Гейдриха и пятнадцати тысяч было бы мало».

Ян Дрда с силой и мастерством зрелого художника, очень простыми, реалистическими средствами передает сложные характеры людей и событий из жизни и борьбы чехословацкого народа.

Несмотря на трагическую судьбу многих любимых героев, писатель в каждой вещи, как в зеркале, отражает счастливое будущее борющегося народа и его жизнеутверждающий оптимизм. В этом сила автора рассказов «Немая баррикада».

Нельзя забыть сторожа динамитного склада Милеца и его жены Бетушки. Когда к ним в дом ворвались гестаповцы, искавшие украденный сторожем динамит, Бетушка спокойно поставила железный кухонный бак с динамитом на раскаленную плиту и произнесла свои последние слова:

«— Бог не разгневается на нас за то, что мы убили таких зверей.

Это было за секунду перед тем, как все взметнулось вверх в страшной вспышке взрыва, осуществившего ее приговор...»

Нельзя забыть героев «Немой баррикады» — чеха коммуниста Франта Кроупа и широкоплечего, белокурого голландца по прозвищу «Недерланд», образы которых напоминают нам о славных днях борьбы за республиканскую Испанию против Франко и его покровителей — Гитлера и Муссолини.

Ян Дрда считает борьбу чехословацкого народа продолжением борьбы в горах Сиерра-Гвадаррамы, в горах Астурии, в долинах Каталонии, под «славным городом Мадридом».

«— За Прагу! За Голландию! За Испанию! Товарищи, огонь!» — таков был последний приказ Франта Кроупа на немой баррикаде пражской улицы.

Ян Дрда понимает, что бои, начатые в Испании, не закончены, они продолжаются, и бойцы узнают друг друга не по национальному происхождению, не по документам, удостоверяющим их личность, а по честным сердцам коммунистов, отдающих все за дело мира.

Писатели славянских стран создают литературу наступления на международную реакцию, литературу чистую и правдивую, как совесть народа.

* Ян Дрда. «Немая баррикада». Государственное издательство иностранной литературы. Москва. 1947 г.

За критику и самокритику в науке о языке

«Мы живем слишком тихо и спокойно...»

Недавно происходило открытое партийное собрание Института языка и мышления и Института русского языка Академии наук СССР, созванное в связи с выступлениями «Литературной газеты» по вопросам лингвистики. Проф. Г. Сердюченко в докладе «Патриотический долг советских ученых» говорил о ложной позиции ряда ученых, превращающих историю языкознания в историю западной, по преимуществу немецкой, науки, а также подверг критике книги акад. В. Виноградова, проф. Н. Чемоданова и проф. А. Реформатского.

Большинство выступавших в прениях признало актуальность критических выступлений «Литературной газеты».

О неудовлетворительном состоянии современного языкознания говорила проф. М. Гухман.

— За последние пять лет, — сказала она, — мы не можем назвать настоящих критических статей и рецензий на научные труды в области языкознания. «Известия Отделения литературы и языка» не только не являются боевым органом, способным разоблачать чуждые нам теории, но и предоставляют свои страницы враждебному советской науке польскому лингвисту Куриловичу, ныне находящемуся в Америке.

— Раболепие и низкопоклонство в книге Реформатского, в отдельных статьях Петерсона, в работе Виноградова, — сказала М. Гухман, — заключаются не только в некритическом цитировании тех или иных западных авторов, а в том, что их работы находятся **во внутренней зависимости от концепций зарубежного идеалистического языкознания.**

— До сих пор громаднейших трудов стоит добиться от лингвистов, чтобы они согласились написать критический отзыв на какую-нибудь научную работу. Что же жаловаться теперь на статью тт. Агапова и Зелинского! Они сказали то, что могли сказать мы, да не сказали, — заявил редактор журнала «Русский язык в школе» проф. С. Абакумов.

— Статьи «Литературной газеты», привлекшие наше внимание к недостаткам книги академика Виноградова, к ошибкам в изучении диалектов, сыграли положительную роль, — отметила в своем выступлении Е. Комшилова, ученый секретарь Института русского языка, — мы живем слишком тихо и спокойно, потому что в наших институтах принципиальные отношения часто подменяются приятельскими.

Докторант О. Москальская дала критическую оценку порочной книге А. Реформатского. Для подкрепления своих идеалистических построений Реформатский не останавливается перед фальсификацией, выдавая цитату из Гегеля за высказывание В. И. Ленина. Опубликование этой книги является несомненной политической ошибкой.

Тов. Москальская говорила о двух способах игнорирования учения Н. Я. Марра: первый — полное умолчание, второй — формально-юбилейное упоминание его работ и отсутствие настоящей разработки его наследия.

— Почему, например, наши германисты в основном заняты изучением готского и древневерхненемецкого языков? — сказал проф. Н. Яковлев. — Почему в планах исследовательской работы по германистике совершенно нет современных тем?

Представители романо-германского сектора Института языка и мышления пытались об'яснить свое однобокое увлечение древними языками неубедительным рассуждением о том, что **современная по методу** работа о **древнем** языке лучше, чем работа о **современном** языке, построенная на устаревшей методологии.

Однако на собрании не был сделан единственно правильный вывод о необходимости **современных по методологии работ на современные темы.** Многие участники обсуждения говорили об отсутствии критики и самокритики, о недостаточном уровне идеологической работы в обоих институтах. К сожалению, некоторые из выступавших не пошли дальше этого признания. Свои робкие критические замечания они сопровождали бесконечными реверансами в сторону критикуемых. Профессор Л. Жирков предпослал весьма мягкой критике книги академика Виноградова «Русский язык» настоящий панегирик ее автору.

Далеко не на высоте своего собственного заявления о необходимости принципиальной партийной критики и самокритики оказался проф. Н. Чемоданов. Он не ответил на самые существенные замечания о своем собственном учебнике, преувеличивающем заслуги буржуазных лингвистов и допускающем принципиальные методологические ошибки, и не смог с достаточной резкостью охарактеризовать порочную, антимарксистскую книгу А. Реформатского.

Совершенно не удовлетворило собрание выступление академика В. Виноградова. Он свел свою речь к личным выпадам против докладчика и других своих оппонентов.

Барски-пренебрежительно третируя людей, указавших на серьезные недостатки его работы, акад. В. Виноградов добился легкого успеха лишь среди группки «почитателей таланта», вносившей в работу собрания нездоровые ноты демонстративными аплодисментами и кликушескими выкриками. Незавидную роль рупора этой группы сыграли преп. С. Крючков (Госпединститут) и докторант А. Ефимов, выступившие с безудержным славословием мэтра, столь же неубедительным по существу, сколь неприличным по своей рекламной форме.

Но не эти выступления определяли ход собрания. Его положительный результат заключался в принципиальных, партийных высказываниях тт. Гухман, Москальской, Комшиловой, Дмитриева, Пашкова и др.

В своем заключительном слове проф. Г. Сердюченко еще раз подчеркнул серьезные недостатки в идеологической работе среди научных сотрудников двух ведущих в стране языковедческих институтов и призвал собрание к дальнейшему развертыванию принципиальной критики и самокритики.

Против аполитичности и гнилого либерализма

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра и Институт русского языка Академии наук СССР провели в Ленинграде дискуссию о книге В. Виноградова «Русский язык». Двухдневное собрание, привлекшее внимание широких кругов ленинградских языковедов, подтвердило актуальность вопросов, поднятых в статье Б. Агапова и К. Зелинского «Нет — это не русский язык!» («Литературная газета» № 59).

Открывая собрание, акад. И. Мещанинов призвал отнестись со всей серьезностью к обсуждению книги академика В. Виноградова. У советского языкознания, — подчеркнул И. Мещанинов, — имеются большие достижения. Тем более важно выявить ошибки, которые содержатся в работах тех или иных лингвистов.

С большим вниманием была выслушана вступительная речь доктора филологических наук Ф. Филина. На конкретном материале он показал, что книга В. Виноградова в своей теоретической основе далека от марксизма-ленинизма, а автор ее стоит на идеалистических позициях.

—В. Виноградов,—заявил тов. Филин,— игнорирует достижения передовой советской лингвистики, в его работах совершенно не использовано неисчерпаемое идейное богатство, которое заключено в трудах классиков марксизма-ленинизма.

Убедительные примеры преклонения В. Виноградова перед буржуазной западноевропейской лингвистикой привел в своем выступлении проф. А. Холодович, указавший также и на ряд фактических ошибок и искажений в книге «Русский язык». Выступивший с яркой, интересной речью проф. Б. Ларин охарактеризовал значительную часть книги В. Виноградова «Русский язык», как «пасьянс чужих мнений и цитат, который подменяет настоящее исследование». Проф. С. Кацнельсон показал, что грамматическая система акад. В. Виноградова основана на искусственном отрыве морфологии от синтаксиса; истоки этой грубейшей ошибки лежат в антимарксистской концепции «женевской школы» Ф. де Соссюра и его последователей.

— В нашей лингвистике, — констатировал доцент М. Мальцев, — существует направление, представленное В. Виноградовым, Р. Аванесовым, П. Кузнецовым, С. Ожеговым, М. Петерсоном, А. Реформатским, В. Сидоровым и др., которое основывается преимущественно на идеалистических концепциях. Исторические корни этих немарксистских концепций тянутся к буржуазной лингвистике.

Многие участники дискуссии (доктор филологических наук А. Десницкая, кандидаты филологических наук Е. Бокарев, В. Авторин, И. Цукерман и др.) отмечали существенные методологические ошибки в ряде других работ В. Виноградова. Большинство выступивших на собрании ученых заявило, что Б. Агапов и К. Зелинский дали в «Литературной газете» принципиально верную оценку книги В. Виноградова «Русский язык» и что «Литературная газета» своевременно поставила вопрос о неблагополучии с развертыванием критики и самокритики среди языковедов.

На дискуссии, однако, имели место и иные высказывания.

Так, например, член-корреспондент Академии наук В. Чернышев, заявивший, что статья Б. Агапова и К. Зелинского «написана вполне обоснованно, хотя в ней нет ни одного научного довода против книги Виноградова» (?!), пытался затем убедить собравшихся, что «большинство ученых занято разработкой чисто научных задач и у них нет времени следить за новой методологией». Не менее странно прозвучало и заявление В. Чернышева о том, что «надо оказывать снисхождение работам невысокой политической ценности, поскольку эти работы являются научными»(!).

Такое же недоумение вызвали высказывания члена-корреспондента Академии наук Е. Истриной, утверждавшей, что в книге В. Виноградова имеются лишь «отдельные недочеты», которые заключаются в том, что в освещении теоретических проблем автор... «впадает в идеализм». Итак, идеализм в теоретической концепции, по мнению Е. Истриной, это всего только «отдельные недочеты»... А член-корреспондент Академии наук С. Бархударов, защищая книгу Виноградова, об'явил достоинством этой книги «уважение к научной традиции, которое у Виноградова возрастает по мере того, как он стареет».

Нелепые, идейно-порочные выступления, попытки протащить старую буржуазную теорийку «чистой» науки, якобы независимой от политики и задач современности, не встретили надлежащего отпора среди присутствующих. Это свидетельствует о не изжитой еще до сих пор в среде языковедов атмосфере благодушия, гнилого либерализма и терпимости по отношению к враждебным советской науке «теориям» и «концепциям».

Мирные дни одного обывателя

И. ГРИНБЕРГ

Бывают книги, в которых нет внутреннего согласия. Исходный замысел здесь приходит в прямое столкновение с истинным содержанием образов. Авторская оценка действующих лиц опровергается их реальными свойствами. Писатель благожелателен к герою, но мы отшатываемся от него: слишком уж неприглядны дела и слова персонажа.

Именно в таком несогласии с самим собою и своим героем оказался Александр Чаковский, написав повесть «Мирные дни». Произведение замыкает трилогию «Это было в Ленинграде». Здесь действуют уже знакомые читателю журналист Савин и его жена Лида.

Александр Савин — герой, любимый автором. Правда, — говорит А. Чаковский, — он ошибается. Демобилизовавшись, он сперва не понимает трудных и ответственных задач послевоенного времени; его представления о семье, о счастье, об обществе ложны. Ему угрожает превращение в обывателя. Он мечтает о спокойствии, тишине, он утерял то стремление к новому, то творческое беспокойство, которое характеризует советского человека. Но под влиянием Лиды и других, окружающих его людей он молниеносно перерождается. В преображение Савина верят все: и Лида, и секретарь заводского партийного комитета Каргин, и старый рабочий Иванов, и сам автор. Но—увы!—не верит читатель. Слишком уж неприятным и неопрятным суб'ектом показал себя этот стремительно перестроившийся герой, любитель домашнего уюта и беспечальной жизни.

В первой же главе повести Савин об'ясняет своему случайному попутчику в поезде, что «теперь в силу вступают другие требования, другие законы. Законы мира, а не войны». Как же понимает он «законы мира»? Это показывает все его последующее поведение.

В своей отремонтированной комнате Савин вступает в самое оживленное и задушевное общение с предметами домашнего обихода. С радостным восклицанием качается он на пружинах мягкого кресла, торжественно перебирает вещи, лежащие в чемодане, накупает «кучу вещей для Лиды и для нашего дома» и расставляет их, испытывая при этом невероятное блаженство. Ему кажется, «будто уже вторые сутки длится очень веселый праздник, и главное — не видно ему конца».

Стол, кожаное кресло, посудный шкаф, занавески — ведь все это выглядит так уютно, так мило, что, — как признается Савин, — кажется, «можно просидеть всю жизнь, не вставая».

В этих словах, в сущности, высказана вся жизненная программа Савина: ему очень хотелось бы «просидеть всю жизнь, не вставая», без хлопот, волнений, в тишине, уюте и спокойствии...

Вдоволь понежившись, Савин, наконец, берется за дело. Он начинает сотрудничать в газете того же завода, где работает его Лида. Им владеет при этом лишь одно побуждение, которое сделало бы честь любому пасторальному пастушку. Он хочет лишь одного: быть всё время вместе с «Лидушкой», и совершенно не интересуется ни заводом, ни своей работой.

Его жена Лида вместе с подругой Ириной борется за внедрение нового метода закалки металла током высокой частоты. Их опытам и исканиям мешает главный металлург завода Абросимов. Идет борьба между новаторами и рутинерами. Савину и в голову не приходит вмешаться в эту борьбу. Он предпочитает, используя свой журналистский опыт, писать гладенькие, ремесленные, никого не задевающие статейки, удивлять сослуживцев мастерством своего быстрописания и сохранять со всеми добрые отношения, — словом, продолжать «веселый праздник».

Когда же у него начинают портиться отношения с женой, Савин — только для того, чтобы восстановить семейное благополучие! — решает напечатать статью Ирины, обосновывающую важное новаторское предложение. Но его решимости хватает ненадолго. Он идет «посоветоваться» к... Абросимову, как «авторитетному специалисту», и тот преспокойно прячет направленную против него статью в карман, предлагая вместо нее для газеты свое собственное сочинение.

А что же Савин? Он не способен к выполнению своего гражданского и профессионального долга, он не в силах защитить новаторскую идею. Может быть, он решится хотя бы просто защитить любимую женщину? Нет! Растерянный и одновременно успокаивающий себя — обыватель всегда сумеет подыскать извиняющие обстоятельства! — он соглашается на помещение в газете статьи Абросимова, враждебной всему, что составляет главное содержание жизни его любимой жены. Когда Абросимов «быстро сунул в карман» статью Ирины, Савин никак не реагирует на этот явно нахальный поступок и в дальнейшем даже ни разу не вспоминает об этом. Перед нами — просто бесхарактерный, мягкотелый, трусоватый человечек.

А назавтра — кстати сказать, после появления в московской газете статьи, поддерживающей опыты Ирины и Лиды,— в Савине неожиданно происходит благодетельный переворот.

«И вдруг я почувствовал облегчение, словно кто приподнял навалившуюся на меня тяжесть, мне стало легко, радостно».

Начиная с этого абзаца, на протяжении нескольких страниц «вдруг» следуют длинной вереницей: «и вдруг все мое настроение разом изменилось», «и вдруг все происшедшее снова стало передо мною», «и вдруг я понял»... Таким способом автор пытается превратить ничтожного хлюпика, ограниченного эгоиста, беспринципного труса — а именно таким мы увидели Савина в повести — в сознательного, передового советского человека. И Савин сразу же заслуживает всеобщее прощение, мгновенно искупает все свои грехи. С ним примиряется жена, к нему возвращается убежавший было приемный сын Коля, его начинают любить сослуживцы.

Писатель уверен, что он судит своего героя строгим судом, следуя высоким нравственным критериям советских людей, что его герой — хороший человек и просто должен стать еще лучше, еще сознательнее. Но автор не видит ничтожности своего героя. Что бы ни сделал Савин, о чем бы ни говорил, — все отмечено неизгладимой печатью мещанства и ограниченности.

Вот он узнает, например, о том, что Ирина должна на время расстаться с мужем, так как едет в Сибирь помочь внедрению нового производственного метода. Это просто не укладывается в сознании Савина!

— Мне непонятно,—уныло твердит он, пытаясь отговорить Ирину от поездки, — как можно оставить любимого человека и поехать за тридевять земель только потому, что там можно с пользой работать?

Он пристает ко всем с этим «мучительным» вопросом, носится с этой, так сказать, проблемой, как с писаной торбой, он с эдакой многозначительной интонацией подступает ко всем: а как бы, дескать, вы поступили? Да возможно ли это! — Вот уж, поистине, мыслитель!

Дело совсем не в том, что Савин в начале повести чего-то не понимал, в чем-то ошибался, а затем исправился.

В глазах читателя он с самого начала и до конца был и остается маленьким, жалким и очень скучным обывателем. Смехотворно выглядит вся его «перестройка».

Вот он мечется по городу, истерический, рефлектирующий, то лепечет о своих заслугах, то погружается в бездну самоанализа, обнаруживая в себе какие-то «два существа», то снова хвастает своими наградами и контузиями. В подобном «нравственном перерождении» так же мало привлекательного, как и в заключительной виньетке, превращающей благородный труд ленинградцев в безоблачную идиллию.

Лишь в отдельных местах повести чувствуется дыхание живой жизни. Оправдано то беспокойство, с которым Лида относится к чрезмерно легкому успеху Савина в заводской редакции. Подлинное творческое отношение к работе неотделимо от борьбы, от поисков, от стремления глубоко проникнуть в сущность дела. Савин же пишет поверхностные, ловкие, гладкие, «обтекаемые» статейки.

Но подобных реальных черт жизни мало, очень мало в повести «Мирные дни». А. Чаковский строит свое произведение, как геометрическую теорему, он старательно чертит условную схему, не замечая при этом, что схему эту разрушают им же созданные герои.

«Художественная правда, — писал Салтыков-Щедрин, — должна говорить сама за себя, а не с помощью комментариев и толкований».

В повести А. Чаковского нет художественной правды. Потому-то он широко прибегает к комментариям и толкованиям. И не только к ним. Мы находим в «Мирных днях» и ключ от комнаты — символ мирной жизни, и пустой блиндаж — эмблему прошедшей войны, и двух офицеров, из которых один, по словам автора, оказывается «олицетворением мира», а другой— «олицетворением ушедшей в прошлое войны».

Слабость и условность образов делают расплывчатыми и убеждения положительных героинь Лиды и Ирины. Лида в одном из разговоров с мужем вдруг почувствовала, «что где-то в глубине сознания ей очень хочется, чтобы Саша сказал что-нибудь очень важное». Вот такими «очень важными» словами и из'ясняются все положительные персонажи. Они говорят не о конкретных делах, а решают вопрос «вообще». «Мне хочется все время итти вперед, — пишет Лида, — ... в жизнь войдет что-то новое, очень высокое». Как печально-характерно это неопределенное «что-то» и столь же неопределенные «высокое, важное, большое».

Лет десять тому назад А. Безыменский написал шутливое стихотворение о связи между любовью и производством:

Сперва:

И я говорил, и она говорила,
и мы говорили, и все про завод.

А затем:

И я говорил, и она говорила,
и мы говорили, и все про любовь.

Вот с такой же, примерно, степенью убедительности решает А. Чаковский проблему личного и общественного.

В минуты мучительных сомнений Савин думал: «Почему той блокадной зимой, приехав в Ленинград, показавшийся мне таким загадочным и непонятным, я все же так быстро научился понимать его, а теперь, в мирной, обычной жизни свершается столько для меня непонятного?» Эти самокритические рассуждения следует адресовать и автору повести. Действительно, «Это было в Ленинграде» привлекло симпатии читателей, в книге ясно чувствовалось стремление А. Чаковского передать живые, достоверные черты незабываемого ленинградского подвига. А в «Мирных днях» писатель комментирует и об'ясняет жизнь, не познавая, не изображая ее. Созданные им образы немощны и бессильны.

А. Чаковский. «Мирные дни». «Звезда», 1947, №№ 9, 10.

М. МАТУСОВСКИЙ

Сердце, верное народу

К 70-летию со дня смерти Н. А. Некрасова

Еще в детстве виделся нам темный сарай, полный душистого сена, особенно остро пахнущего после дождя, пыльный луч солнца, пробивающийся сквозь щели, старая двустволка, лежащая у стены, и группа белоголовых ребятишек, слушающая затейливые небылицы незнакомого охотника. Он рассказывает им о медведе Топтыгине, о веселом продавце игрушек Якове, о деде Мазае, подружившемся весною с зайцами. Потом мы подрастали, взрослели, учились в школе, — все шире и многообразнее раскрывался мир великого поэта-революционера, все глубже и серьезнее знакомились мы с его думами и образами, и вот уже в полный рост представала перед нами его строгая муза — подруга поэта, с лицом, носящим на себе страшный след кнута, — дитя борьбы и гнева, добра и горя, любви и ярости, — верная сестра народа.

«Я лиру посвятил народу своему» — с полным правом сказал о себе Некрасов, вглядываясь в пройденный житейский путь. В самые трудные и горестные минуты эта любовь к родимой земле и подвижническое служение народу поддерживали и утешали певца, давали ему силы и уверенность в правоте своего дела, диктовали ему стихи от первой до последней строки. Они помогали ему провидеть сквозь сумрак царизма начало иных времен и картин, различать живые, неиссякаемые творческие силы народа, еще скованные, подобно золотым россыпям, таящимся под ледяными покровами Сибири. Эта вера путника, знающего, что за последним крутым перевалом должна открыться дорога, это ощущение завтрашнего рассвета особенно дорого нам в Некрасове. Образ широкого, бескрайнего пути, на который должен выйти народ, неизменно возникает в стихах поэта.

Еще народу русскому
Пределы не поставлены,
Пред ним широкий путь, —

взволнованно говорит Некрасов в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо»—этой подлинной одиссее русского крестьянина. Никакие испытания, ни голод, ни труд не могут согнуть Савелия-богатыря.

Маленькому безвестному деревенскому школьнику суждена большая, а, быть может, и великая жизнь. Пахарь, засевающий сегодня поле, еще увидит впереди погожий и ведреный день. Поэзия Некрасова устремлена вперед, это поэзия больших мечтаний и надежд, провидений и широких дорог. Словно в пророческом и вещем сне, поэт различает будущее своей родной реки Волги, преображенной трудом свободного народа: расширились берега, углубилось русло, ожили вокруг степи, поплыли гигантские пароходы и зашумели пристани.

Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.

Это ведь сказано о нас с вами, о нашем сегодняшнем дне — сбывшейся наяву мужественной и светлой мечте поэта.

Нет, это не только муза мести и печали, это муза труда и славы народа, муза веры в свою Родину и ее грядущее. Недаром в одной из своих журнальных статей, полный надежд на будущее, Некрасов пишет: «Сегодняшний день лучше вчерашнего, завтрашний будет лучше сегодняшнего, и таким образом время делает свое дело. Бодрей же в путь!» Уже прощаясь с жизнью, слагая свою последнюю колыбельную песню, Некрасов еще раз повторяет:

Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой...

«Воплощение счастия народного»—вот что было смыслом и целью труда и жизни поэта, вот что водило его пером и составляло источник его вдохновения, это—суть его простых и правдивых поэм и песен, а простота и правда, по убеждению самого Некрасова, — неразлучные спутники поэзии. Наконец, это тема не только его книг, — это тема его писем и дневниковых записей.

Путешествуя по Европе или напутствуя друзей, уезжающих за границу, Некрасов никогда не забывает о своей Родине, говорит о ней с нежностью и гордостью, чувствуя во всем превосходство ее трудового народа, ее широты, сердечности и ласки, ее природы, ее будущих путей и дорог.

Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!—

заявляет поэт-патриот. Но не только за ширь полей и синеву небес любит Некрасов свою родную землю. Говоря о судьбе целого поколения революционеров-демократов шестидесятых годов, Некрасов с благодарностью пишет о них:

Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекраснее встречали...

Только в России могла возникнуть плеяда таких людей, бесстрашных и самоотверженных рыцарей своего народа. Поэт знает, что именно эти люди—самые лучшие и верные сыны своей Родины. Не граф де Гаранский, об'езжающий свои имения с французской кухней и русским титулом, презрительно поглядывающий сквозь стеклышко на народ, а безвестный сибирский политический ссыльный, прозванный Кротом, — настоящий патриот своего отечества. Ибо, изнуренный непосильным трудом, обессиленный и полуумирающий, он

...душою,
Как мы, был русский человек.
Он не жалел, что мы не немцы,
Он говорил: «Во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!..»

«Дома — лучше!» — так озаглавливает поэт одно из своих стихотворений, посвященных Европе. Так мог бы Маяковский назвать свои стихи о загранице. На чужбине поэт тоскует и бездействует, и только дальний ветер Родины, долетающий сюда через все границы и моря, возвращает ему снова утраченные силы.

За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем
И не нашел я ничего!
Я сам не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но ты дохнула—и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!

Ни чужое море, ни чужая даль не помогут человеку в решении его забот и горестей, в решении судьбы его отчизны. Эту мысль Некрасов высказывает и в своих стихах, и в своих журнальных заметках. Вот он осуждает повесть некоего Зотова за то, что она написана по иностранным образцам. Некрасов называет Зотову целую группу первоклассных русских писателей, у которых должен учиться молодой литератор, и критикует его повесть «Докторша» за то, что в ней нет ни поэзии, ни серьезной мысли, ни жизненной правды. «Подобные произведения, — пишет Некрасов, — анахронизм в настоящее время и живое доказательство, как жалки романы во вкусе Поля Феваля, Дюма и т. д., как грешно современному литератору сочинять подобные побасенки... гораздо лучше подражать г.г. Гончарову, Тургеневу, Григоровичу, графу Толстому, хотя вообще подражание вещь нехорошая, но, по крайней мере, могут удасться хоть две-три теплые и свежие страницы». Так справедливо резко расправляется Некрасов с писателем, заглядевшимся в чужое море и чужую даль!

Жизнь народа и творчество художника, Родина и поэзия неразрывно связаны для Некрасова в одно целое. Он возвращается из заморских стран, приезжает к себе в родные места и с волнением вдыхает запах родных дорог—сена и дегтя, горький дымок дальних очагов. Снова знакомая мельница машет ему крылом, снова он бредет по осеннему лесу, и рыжая сухая листва шуршит под его высокими охотничьими сапогами.

Опять она, родная сторона
С ее зеленым, благодатным летом,
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

На Западе—не вызвал я ничем
Красивых строф, пластических и сильных,
В Германии я был, как рыба, нем,
В Италии—писал о русских ссыльных...

Наряду с темой Родины тема труда звучит в поэзии Некрасова с не меньшей выразительностью и силой. Он ощущает всю горесть крепостного подневольного труда под палящим солнцем, непосильный труд рабочих, прокладывающих через болота железную дорогу, усталость дровосека в зимнем лесу, одиночество пахаря на черной весенней ниве.

В стихотворении «На Волге» поэт рассказывает о работе бурлаков:

Но вдруг я стоны услыхал
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бичевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик—
И сердце дрогнуло во мне.

Здесь все передано удивительно точно и ощутимо. Так ясно вы видите фигуры согнутых и устремленных вперед людей, медленное движение их ног, обутых в лапти и вязнущих в речном песке, узлы жестких веревок, врезающихся в плечи. Эти строки своей страшной правдой и изобразительностью могут поспорить со знаменитой репинской картиной.

Но в стихах Некрасова — не только тяжесть, ложащаяся на плечи бурлака и пахаря, сеятеля и лесоруба, в них — и радость человеческого труда, недоступная людям, не державшим в руках лопаты или ручек плуга.

Воля и труд человека
Дивные дивы творят!

Ссыльные, работая в дальних и холодных краях, вдали от родных мест, поют своеобразный гимн, в котором прославляются борьба и труд на благо будущего Родины, ради ее богатства и процветания.

Трудись, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь!..

Пускай томимся гладом, жаждой,
Пусть дрогнем в холоде зимы,
Ей пригодится камень каждый,
Который добываем мы.

Здесь мы, внуки, снова слышим голос поэта, обращенный к нам через многие годы.

Да, Некрасов великий певец нашей природы, певец осеннего золота наших лесов, зимних вьюжных степей, свежего туманного утра, костра, разожженного путником у дороги, реки, поросшей камышом, деревни, поднявшейся на пригорок, внезапного летнего дождя, несущего земле прохладу. Но нигде, буквально ни в одном стихотворении, вы не найдете у Некрасова мертвой природы, так или иначе не связанной с человеком, с его мыслями и настроением. Любование красивым пейзажем чуждо поэзии Некрасова. Его природа, как в левитановских пейзажах, живая и одухотворенная. Вот уж, кажется, перед нами маленькое хрестоматийное стихотворение, скромно названное «Перед дождем», но и здесь, в самом конце его появляется какой-то ямщик, и сразу весь пейзаж как бы оживает ради этого, случайно промелькнувшего человека.

Вот о чем должны помнить всегда некоторые молодые поэты, пишущие пейзажные стишки, не согретые присутствием живого человеческого дыхания.

Особенно дорога нам в поэзии Некрасова живая, разговорная интонация, иногда настолько непринужденная, что кажется, будто здесь сама жизнь разговаривает с вами. Некрасов зло высмеивал Бенедиктова за его «стремление к оригинальности... вычурности и ухарской громозвучности». Все это было чуждо и враждебно правдивой и простой музе поэта. Некрасов почти всегда старается не говорить за своих героев, он дает им возможность высказать все, что у них есть на душе. В его стихах люди чаще всего говорят от первого лица, и речь их абсолютно живая, почти чудом зарифмованная, человеческая речь. Разве не встает перед читателем в одно мгновение образ старой деревенской женщины, потерявшей сына, беспрерывно повторяющей свое причитание: «Умер, Касьяновна, умер, сердешная, умер и в землю зарыт!» А сколько таких мгновенно озаренных портретов, образов и лиц живет в стихах и поэмах Некрасова! Сколько нужно было знать человеческих судеб, профессий и биографий, чтобы обо всех них так рассказать. Ведь во многих рассказах и романах зачастую вы не найдете такого разнообразия живых и навсегда запоминающихся характеристик. Скромно оценивая свой труд, Некрасов сказал однажды: «Передо мною никогда не изображенными стояли миллионы живых существ! Они просили любящего взгляда!» Так возникла эта своеобразная портретная галлерея, составляющая в целом лицо народа.

Многое еще можно было бы написать о Некрасове, но все это может стать темой еще десяти статей, или, если хотите, еще десяти томов, мне же просто хотелось в день некрасовского юбилея дружески побеседовать с читателем об одном из самых дорогих и любимых революционных поэтов.

Пламенный патриот, великий поэт

К столетию со дня рождения Христо Ботева

Куда бы вы ни попали в современной Болгарии — в квартиру софийского интеллигента, в домик дупницкого рабочего-табачника или в хату селянина-табаковода на склонах Родопских гор, — везде на самом видном «красном» месте вы увидите портрет молодого человека с окладистой бородой и пламенным взглядом. Пристальные горящие глаза смотрят на вас со стен деревенской народной читальни, закоптелой придорожной корчмы и просторной приемной министра. Подведите к этому портрету древнюю старуху-крестьянку, никогда не знавшую грамоты, и остроглазого кудряша-первоклассника и спросите: «Кто это?» Сразу их голоса зазвенят гордостью: «Это наш Христо Ботев!»

Именем Христо Ботева освобожденный народ Болгарии назвал просторные улицы своих городов. Имя Христо Ботева дал он лучшим своим школам и народным читальням. В честь великого патриота-поэта болгарские матери с особой радостью дают своим первенцам имя Христо.

И в нынешнем январе, когда свободолюбивый и трудолюбивый болгарский народ в поте лица своего самозабвенно и самоотверженно укрепляет молодую Болгарскую Народную республику, с особой любовью отметит он столетие со дня рождения своего лучшего поэта, пламенного борца за освобождение Болгарии.

Рожденный в канун революционных потрясений, поколебавших троны европейских владык и пробудивших миллионы простых людей к борьбе за национальное и социальное освобождение, Христо Ботев, не прожив и тридцати лет, пал в бою тогда, когда его народ и другие славянские народы на Балканах поднялись под знамена борьбы за освобождение от многовековой тирании сатрапов турецких султанов.

Шестнадцатилетним мальчиком Христо Ботев покинул отцовский дом в Калофере и стал учеником одесской гимназии. Под могучим духовным воздействием идей Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева в годы учения в одесской гимназии сложились революционные настроения юноши-болгарина, видевшего столько горя и чужеземного гнета в родном краю.

В своих скитаниях Христо Ботев в 1867 году попадает в Константинополь и там, целиком погрузившись в горячую агитационную и пропагандистскую работу, печатает в журнале «Гайда» первое свое стихотворение. В этом стихотворении он словами страстными и сильными говорит об избранном им пути борца-революционера и, как бы предчувствуя будущее, кончает стихотворение строками:

Тяжел этот путь, но славен.
Быть может, я юным сгину,
Но ждет меня та награда,
Что скажет молва народу —
Погиб скиталец за правду,
За правду и за свободу.

Целое десятилетие своей жизни после ухода из одесской гимназии посвятил Христо Ботев борьбе за освобождение Болгарии от турецкой неволи. Бедствуя материально, проходя сквозь опасности нелегального и полулегального существования, он и в Константинополе, и потом в Румынии, по соседству со своей порабощенной родиной, участвует в тайных революционных организациях, издает зовущие на борьбу листки, газеты, журналы, пишет пламенные публицистические статьи, создает поэтические творения, полные любви к родному народу, веры в его свободное будущее, испепеляющей ненависти к угнетателям.

Могучее духовное влияние русских демократов-революционеров определило строй личности Ботева, сделало его непримиримым врагом не только чужеземных мучителей-турок, но и всех угнетателей и эксплоататоров трудового народа. Насколько более дальновидным и политически зорким по сравнению со многими своими соратниками по национально-освободительной борьбе был Христо Ботев, показывает его статья «Смешан плач», написанная в июне 1871 года. В ней поэт дает гневную отповедь врагам поверженной Парижской Коммуны. Мучениками и героями называет Ботев в этой статье парижских коммунаров и бросает в лицо палачам Коммуны полные веры в будущую победу слова: «И еще будет день—день первый...»

Когда в 1876 году в Болгарии возникают очаги восстания против турок, Христо Ботев во главе отряда добровольцев высаживается на родной земле и смело вступает в бой. Турки подавили восстание. Отряд Ботева был разбит и уничтожен в районе Врацы, и сам бесстрашный воевода Христо Ботев погиб 2 июня, вписав свое имя горячей кровью патриота в историю борьбы за освобождение родной страны. Он стал не только любимым народным поэтом, но и национальным героем Болгарии.

Невелико поэтическое наследство Христо Ботева. Всего двадцать четыре стихотворения составляют собрание его стихов и песен. Но неизгладимый след в народной памяти оставили эти стихи. Еще при жизни поэта его стихи переписывались в тысячах списков и проникали во все уголки стонавшей под султанским сапогом Болгарии.

Из этих двадцати четырех стихотворений перед нами встает образ поэта-революционера, беззаветно преданного делу освобождения родного народа.

Добро тому, кто умеет
Стоять за честь и за волю,
С добрым по-доброму ладить,
Злому — ножом ответить...

Лирика Ботева публицистична, ясна по мысли, сильна по чувству. Обращенная к друзьям, она взволнованна и задушевна, полна призыва к героизму, к самопожертвованию. Обращенная к врагам, она гневна, исполнена едкого сарказма и уничтожающей иронии. Публицистическая лирика Ботева несет на себе печать влияния русской классической гражданской лирики Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Эта близость ни в малой мере не стирает черт национального своеобразия лирики Ботева.

Для нынешних граждан Болгарской Народной Республики Христо Ботев неизменно остается любимым народным героем, чья исполненная лишений и самоотверженного подвига жизнь — неувядающий пример для современного поколения. Стихи Ботева, как и в течение всех семидесяти лет после его смерти, звучат с той же силой, как звучали тогда, когда слагались. Своими стихами Христо Ботев поднял болгарскую поэзию на уровень лучших произведений мировой революционно-демократической поэзии XIX века.

В Народной республике Болгарии есть большой отряд талантливых поэтов — таких, как Людмил Стоянов, Димитр Полянов, Елизавета Багряна, Христо Радевский, и большая группа одаренной поэтической молодежи. Среди передовых представителей этого отряда жива боевая ботевская традиция, героическую преемственность которой передали современникам павшие в неравной борьбе с черными силами фашизма Христо Смирненский, Гео Милев и другие.

Ботев звал свой народ к борьбе за свободу и справедливость, и мечтал о том дне, когда родной его народ вздохнет свободно. Во имя этого радостного дня он отдал свою жизнь и пролил свою кровь. Этот день наступил 9 сентября 1944 года. И народ ждет от тех, кто идет по следу Ботева, песен о своей радости, о своем победном движении по трудному, но освещенному солнцем пути в новую счастливую жизнь.

Ал. СУРКОВ

Коротко о книгах

1. П. БАЖОВ. «ЗЕЛЕНАЯ КОБЫЛКА». Детгиз, 1947 год, 94 стр.

Имя автора этой книги прочно связывается в нашем представлении с тем жанром, который составил славу Бажова, — с его полуфольклорными уральскими сказами. Этим, быть может, и приходится об'яснить, почему так мало внимания уделила наша критика совершенно блестящему выступлению П Бажова в новом для него жанре реалистического сказа для детей.

Это во всех отношениях образцовая детская книжка.

Сюжет «Зеленой кобылки» прост, ясен и в то же время чрезвычайно динамичен, увлекателен. Дело происходит в дореволюционное время на Урале Трое ребят отправляются, тайком от родителей, куда-то далеко ловить рыбу. Отвлекаясь по дороге от своей цели то собиранием разноцветных камушков, то купаньем, то ловлей зеленых кобылок для наживки, они сбиваются с дороги и попадают в незнакомый лес, где как раз в это время происходит облава: стражники выслеживают бежавшего из тюрьмы политического заключенного. Блуждая по лесу, ребята случайно набредают на беглеца: раненный при побеге, он хоронится в чаще. Ребята оказывают ему помощь, помогают связаться с друзьями (которыми оказываются их же родные) и, таким образом, спасают.

Этот естественный, жизненный и светлый сюжет разработан очень живо и колоритно. Выразительно написаны фигуры ребят и их родных. Очень тонко намечены индивидуальные черты героев, их возрастные и профессиональные особенности.

Трудно передать все очарование богатого, разнообразного, яркого, меткого и в то же время чудесно-непринужденного, лишенного малейшей напряженности и нарочитости языка, каким написана книжка. И, наконец, поистине драгоценен насквозь проникающий ее моральный пафос, в котором нет ни крупицы «поучительства».

Это — произведение высокого искусства. На последней странице книги указано: «Для младшего возраста». Нет, это неточно! Читатели всех возрастов прочтут эту книжку с истинным наслаждением.

А. ДЕРМАН.

2. БАСНИ И. А. КРЫЛОВА. Гослитиздат, 1947 год, 110 стр.

Вышло прекрасно оформленное издание двадцати пяти басен И. А. Крылова. Участие двадцати художников в создании этой книги свидетельствует о разнообразии и богатстве советской графики, ее изобразительных возможностей, о поисках ею новых путей в истолковании тех лучших произведений русской литературы, которые живы и по сей день.

В числе иллюстраторов—уже известные, зарекомендовавшие себя мастера советской графики и молодые даровитые художники. Хочется выделить иронически-насмешливый рисунок А. Каневского к «Вороне и лисице», запоминающийся, мастерски нарисованный «Квартет» Кукрыниксов, великолепные гравюры на дереве В. Фаворского, сумевшего по-новому передать содержание басен «Любопытный» и «Зеркало и обезьяна». Хорош рисунок С Герасимова к «Трем мужикам», правдиво передающий бытовую атмосферу крыловской басни и характеры ее персонажей. Подлинное мастерство чувствуется в гравюрах Ф. Константинова и Г. Ечеистова. Запоминается тонкий юмор силуэтов Н. Ильина, сказочность рисунка Ю. Васнецова.

Однако не все художники справились со своей задачей. В ряде случаев иллюстрации вышли скучными, не передающими юмора крыловских басен, типичности и «басенности» образов. Добросовестно нарисованы, но не оживлены ни мыслью, ни проникновением в текст иллюстрации П. Алякринского, А. Гончарова, В. Баюскина, В. Милашевского, М. Горшмана. Особенное возражение вызывает рисунок Д. Митрохина к басне «Фортуна и Нищий», сделанный в какой-то нарочито стилизованной, «мирискуснической» манере, ничего общего не имеющей с Крыловым.

Но при всех отдельных недостатках вышедшие басни Крылова — прекрасный подарок всем любящим советскую книгу.

Н. СТЕПАНОВ

НРАВЫ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ

«Лайф», 27 ноября 1944 года.

Подпись под первым снимком:

«Греческие дети в лохмотьях из деревни Марки, разграбленной и уничтоженной немцами. Благодаря партизанам ЭЛАС, очистившим этот район от фашистов, дети остались в живых».

«Джорнэл американ», 14 октября 1947 года.

Тот же снимок, но подпись уже другая:

«Двое греческих детей в лохмотьях, типичные жертвы бесчеловечной войны красных».

Дадим стране больше бумаги!

Под этим лозунгом в Ленинграде прошел большой вечер, организованный ленинградским отделением Союза советских писателей, «Литературной газетой» и Ленинградским радиокомитетом.

В главной студии Радиокомитета писатели Ленинграда встретились с рабочими, инженерами и техниками бумажных фабрик имени Володарского и имени Горького, а также с представителями научных институтов и учебных заведений бумажной промышленности.

Выступления на радиовечере транслировались не только всеми ленинградскими радиостанциями, но также и радиостанциями Карело-Финской ССР. На предприятиях Ленинградской области и Карело-Финской ССР было организовано коллективное слушанье.

Председательствовавший тов. А. Прокофьев говорил о той огромной роли, которую играет бумажная промышленность в культурной жизни страны, и рассказал о работе бригад ленинградских писателей.

С большим вниманием была выслушана речь Ю. Германа.

— В замечательной книге «В людях», — сказал Герман, — Алексей Максимович Горький вспоминает чувства, овладевшие им в детстве, когда, научившись читать, он впервые познакомился с поэзией Пушкина. «Какое это счастье — быть грамотным!», — восклицал Горький. Великое счастье быть грамотным дано каждому советскому человеку. Оно входит с самых ранних лет в его жизнь. Астрономические тиражи наших изданий свидетельствуют о растущей с каждым годом культуре многомиллионного советского народа.

Обращаясь к ленинградским бумажникам, Ю. Герман призывает их увеличить производство бумаги, улучшить ее качество и выполнить пятилетний план в четыре года.

Секретарь ЦК профсоюза работников бумажной промышленности тов. Горченков, директор фабрики имени Володарского тов. Иванов и старший сеточник фабрики имени Горького тов. Бурдаков сообщили об обязательствах, принятых бумажниками, по выполнению послевоенной сталинской пятилетки в четыре года. Присутствующие дружными аплодисментами поддержали обращенные к писателям слова тов. Иванова: «Пишите побольше хороших книг, а бумагу, не сомневайтесь, — дадим в том количестве и того качества, какое требуется!»

ЛЕНИНГРАД. **(Корр. «Литературной газеты»).**

ЗАХОЛУСТЬЕ

Фабрика «Октябрь». Единственное предприятие, где изготовляется мелованная бумага для книжных и журнальных иллюстраций, для художественных изданий, а также крашеная бумага для переплетов. Продукцию фабрики знают все — посмотрите хотя бы вкладки «Огонька», любую книгу, где иллюстрации на отдельных листах. Но мало кто знает, мало кто помнит фабрику «Октябрь». Даже те, кому помнить о ней обязательно надлежит.

И это сразу заметно, когда пройдешь по цехам. Машины работают лениво, с частыми остановками, — то нет бумаги для переработки, то нужен ремонт, то ход задерживается сушилкой. Лабораторию, где изготовляются композиции красок и химикалий, здесь стыдливо называют «кухней». Плохая это кухня! Надо надевать галоши, чтобы пройти по залитому разноцветной жидкостью полу. Оборудование «кухни» примитивно и не обеспечивает чистоты, а, значит, и достаточно высокого качества красителей.

Результат очевиден: из всей продукции, выпущенной за год фабрикой, лишь немного больше половины первого сорта. Но план не выполнен не только по качеству. Он не выполнен и по количеству и по ассортименту.

После бесед с директором фабрики, с мастерами напрашивается давно не приходившее на память, почти исчезнувшее из нашего обихода слово — захолустье.

У фабрики плохо налажена связь с Союзкартонтрестом, в систему которого она входит, с министерством, со снабжающими организациями и потребителями.

Вопрос о реконструкции долго висел в воздухе, решался и перерешался. Бумаги—для переработки в мелованную—фабрика получила лишь около 60 процентов того количества, которое требовалось. Примерно столько же и химикалий. Внимание директора фабрики тов. Киселева было занято налаживанием нормальной связи с начальством. Директор ждал большой реконструкции и... не настоял на проведении малой механизации. Он ждал поступления бумаги от поставщиков и не наладил своего хозяйства.

На фабрике есть опытнейшие мастера с многолетним стажем, но очень мало инженеров. Не уживаются здесь инженеры. Мастера привыкли работать по интуиции, доверяя своему глазу и опыту. Они очень неохотно идут на изменения технологического процесса, сопротивляются предложениям инженеров.

В каком же захолустье сегодня могли сохраниться такие напряженные отношения между проводниками передовой техники и носителями старых традиций?

Таким заповедником оказалась фабрика «Октябрь», о которой идет речь. Есть на предприятии отличные стахановцы: Александра Тонасиенко со своей бригадой взялась обслуживать две машины и выполняет план более, чем на двести процентов. Но ее борьба за минуты срывается многосуточными простоями машин.

Нет бумаги для переработки. Почему? Министерство выделило в прошлом году трех поставщиков. Соликамский и Архангельский комбинаты сразу сообщили, что бумагу нужной чистоты они обеспечить не могут. И не обеспечили. Фактически остался один поставщик — Ленинградская фабрика имени Володарского. Она свои обязательства выполнила. Но почему же были запланированы такие поставщики, которые заведомо не могли выполнить заказов?

Это результат формального планирования.

Главбумсбыт (начальник тов. Китаев) дает фабрике наряд на отпуск мелованной бумаги потребителям. Мы находим в списке крупнейшие издательства — «Правда», Огиз, «Советский писатель», «Искусство», издательство Академии наук. Указано количество бумаги, но не спецификация. Потребители приезжают на фабрику и узнают, что имеется только один сорт бумаги. Он годен для журналов, но недостаточно плотен для печати художественных изданий. В результате — издательства остаются без бумаги для иллюстраций, а на складе фабрики, не выполнившей плана, лежит ненужная издательствам бумага.

Могли ли Главбумсбыт и плановый отдел министерства предусмотреть, что фабрике потребуется бумага разной плотности, могли ли соответственно разместить заказы среди поставщиков?

Могли, если бы поинтересовались нуждами потребителей.

За год ни один из ведущих работников треста не посетил фабрику. Дважды приезжал министр, и тогда его сопровождал управляющий трестом, — этим «живая связь» с трестом почти и ограничилась.

В новом году издательства должны быть обеспечены бумагой для иллюстраций и переплетов. На фабрике нужно повысить культуру производства, покончить с внеплановыми остановками машин, решительнее вводить новые технологические процессы, провести механизацию, которую можно осуществить и без капитальных затрат.

Мы надеемся, что Министерство целлюлозной и бумажной промышленности найдет способ удовлетворить неотложные нужды фабрики по ремонту помещения, по приведению в порядок оборудования и устранению диспропорции между количеством баритажных машин и каландров.

Мы ждем, что министерство и Главбумсбыт учтут нужды потребителей и найдут способ снабдить фабрику бумагой необходимой плотности и нужной чистоты.

И, наконец, не находит ли Союзкартонтрест, что пора ему всерьез заняться одной из важнейших своих фабрик, добраться до «захолустья», оказать предприятию техническую помощь, в которой оно нуждается, и всю организационную помощь, которую оно имеет право требовать?

До захолустья ведь совсем недалеко... Фабрика находится в Москве — минут пятнадцать езды и от министерства и от треста.

А. ИВИЧ

К 70-летию со дня смерти Н. А. Некрасова

ЛЕНИНГРАД. **(От наш. корр.).** В конце 1946 года, в связи с празднованием 125-летия со дня рождения Некрасова, в последней квартире поэта (Литейный проспект, 36) по решению правительства был создан Государственный мемориальный музей Николая Алексеевича Некрасова.

8 января Институт литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР проводит в музее открытое торжественное заседание Ученого совета памяти Некрасова.

«Великий русский поэт Некрасов» — так озаглавлен цикл лекций, организованный в Ленинграде лекторием горкома ВКП(б). В числе лекторов — крупнейшие ленинградские литературоведы.

В Ленинградском отделении Гослитиздата подписан к печати первый том монографии В. Е. Евгеньева-Максимова «Жизнь и деятельность Некрасова». Монография будет состоять из трех томов.

* * *

В 18 километрах от Ярославля в живописном месте стоит большой двухэтажный дом. Это Карабиха — бывшая усадьба великого русского поэта Н. А. Некрасова. Здесь он написал многие из своих произведений. Недавно началось восстановление усадьбы, где будет открыт музей.

Профессор В. Евгеньев-Максимов передал в дар музею бюст Белинского, собрания произведений Некрасова, изданных при жизни поэта. Ленинградский музей Института литературы Академии наук СССР прислал бюст Некрасова (работа скульптора Козлова), копию его портрета, написанного художником Ге, фотокопии с иллюстраций и произведений поэта.

Литературный отдел музея в Карабихе будет открыт в день 70-летия со дня смерти Н. А. Некрасова — 8 января 1948 года.

Сборник статей о В. Г. Белинском

Издательство «Советский писатель» готовит к столетию со дня смерти В. Г. Белинского сборник статей советских критиков.

Статьи сборника покажут роль Белинского в развитии русской передовой мысли, воссоздадут образ Белинского-патриота, воинствующего критика.

Особый раздел сборника будет посвящен эстетическим принципам Белинского. В нем будут разобраны проблемы «поэзии мысли», показана борьба великого критика за народность и революционную направленность русской литературы.

Ряд материалов сборника раскроет творческую лабораторию Белинского.

Книга завершится статьей, подводящей итоги изучения наследия Белинского советскими литературоведами.

* * *

ПЕНЗА. **(От наш. корр.).** Трудящиеся Пензенской области свято хранят память о В. Г. Белинском. В Чембаре и Пензе он провел детские и юношеские годы. Имя Белинского носят железнодорожная станция, школы, колхозы, библиотеки, парки.

Для подготовки и проведения 100-летия со дня смерти В. Г. Белинского здесь создана юбилейная комиссия. Подготовлен к печати сборник о Белинском, в который вошли документы, найденные за последние годы. В школах, институтах, на предприятиях, в колхозах проводятся лекции и беседы о Белинском.

В Союзе советских писателей СССР

Собрание секции научно-художественной литературы, состоявшееся 5 января, было посвящено докладам Я. Рыкачева — «Невыполненный долг» и Л. Гумилевского — «Популяризация и исследование». Участники обсуждения, как и докладчики, говорили о необходимости расширять кадры писателей, работающих в области научно-художественной литературы, привлекать внимание художников к проблемам науки. В прениях приняли участие: Б. Агапов, В. Болховитинов, Ю. Вебер, А. Ивич, Н. Михайлов и Г. Фиш.

* * *

Вчера в Центральном доме литераторов состоялся вечер, посвященный 125-летию со дня рождения великого венгерского поэта-революционера Шандора Петефи.

Вечер открыл Н. Тихонов, охарактеризовавший Петефи как художника-борца, чье имя многие поколения будут с благодарностью хранить в своих сердцах. С докладом о жизни и творчестве национального героя венгерского народа выступил Ан. Гидаш.

Свои переводы стихов Петефи прочитали Н. Тихонов, Б. Пастернак, В. Инбер, Л. Мартынов, Н. Чуковский, М. Замаховская и С. Обрадович. С чтением стихов Петефи выступил также артист М. Царев.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«Глухая стена»

Под таким заголовком 3 декабря 1947 года «Литературная газета» опубликовала статью управляющего трестом «Полиграф» тов. Гуревича. В статье шла речь о том, как усилия рабочих и инженерно-технических работников предприятий треста «Полиграф», направленные к тому, чтобы помочь полиграфистам выпустить хорошо оформленные книги, обесцениваются из-за неудовлетворительной работы поставщиков, в частности, предприятий Министерства химической промышленности.

Заместитель министра химической промышленности СССР т. Локшин сообщил редакции:

Поставка Огизу синих, фиолетовых и зеленых марок красителей на протяжении 1947 года проходила на низком уровне в связи с задержкой ввода в эксплоатацию цехов некоторых заводов. В настоящее время производство необходимых марок красителей пущено, и, начиная с первого квартала 1948 года, они будут поставляться Огизу в пределах выделяемых фондов.

Главанилпрому, Главхимсбыту и заводам-поставщикам даны указания об усилении отгрузки Огизу красителей и химикалий.

НОВЫЕ КНИГИ

ПРОФИЗДАТ

С. Бабаевский. «Кавалер Золотой Звезды». Повесть. 216 стр. Тираж 25.000. Цена 5 руб.

В. Кетлинская. «Мужество». Роман. 600 стр. Тираж 25.000. Цена 15 руб.

С. Голубов. «Сотворение века». Книга 1-я. Роман. 536 стр. Тираж 15.000. Цена без переплета 18 руб., в переплете 20 руб.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Горячо благодарю всех, кто прислал мне поздравления в день моего пятидесятилетия.

А. ПОПОВСКИЙ.

Радиоприемники или... полированные ящики

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Товарищ редактор!

У нас в районе имеется 17 изб-читален. 16 из них приобрели радиоприемники «Родина», но в настоящее время ни один из них не работает из-за отсутствия лампочек или из-за отсутствия питания.

Многие «ходоки» из нашего района ездили в Москву, Ленинград и другие города в поисках радиопитания и лампочек, но всюду встречали один ответ: «Хотите слушать радио — покупайте новый приемник. Отдельно лампочек и батарей не продаем».

Так вот и получается, что в наших избах-читальнях есть 16 молчащих радиоприемников. Когда же они заговорят?

Т. ПЕТРОВ,

начальник Бежаницкой районной конторы связи, Великолукской области.

Многочисленные письма радиослушателей из сельских местностей, содержащие немало справедливых претензий, вызывают необходимость широко обсудить положение, создавшееся в такой важной области, как радиофикация села.

Наша промышленность выпустила для села хороший приемник «Родина», работающий на собственном питании — батарее элементов.

В 1946—1947 годах Центросоюз продал деревне свыше 160.000 приемников «Родина».

Но, продавая их, работники Центросоюза заведомо знали, что половина полученных деревней приемников будет работать недолгое время, поскольку их вынуждены были продавать без запасного питания и без запасных ламп.

Кто же виновен в том, что большое количество проданных приемников «Родина» не работает из-за отсутствия питания и радиоламп?

Для того, чтобы все приемники «Родина», установленные в сельской местности, могли работать бесперебойно, в прошлом году требовалось 339.000 комплектов запасных радиоламп и 250.000 комплектов высокоемкостных батарей. Таковы минимальные цифры, которые задолго до начала 1947 года Центросоюз представил в Министерство промышленности средств связи.

Как же реагировало это министерство на требование Центросоюза? Министерство не пожелало даже своевременно рассмотреть поданную заявку на радиолампы и питание.

После того как оно рассмотрело заявку, оказалось, что налицо возможность выделить для деревни только 24.000 комплектов запасных радиоламп и 160.000 комплектов низкоемкостных сухих батарей, т. е. обеспечить приемники запасными радиолампами на 15 процентов и питанием на 50 процентов.

Однако даже из этих 50 процентов требуемого количества радиопитания Главэлектросвязьсбыт умудряется сделать негодной еще часть питания. В этом учреждении, видимо, никто не занимается координированием отгрузки приемников и питания. В результате радиопитание прибывает на склады раньше приемников на два-три месяца (а то и больше!) и портится.

Можно привести еще один пример, характеризующий отношение Министерства промышленности средств связи к нуждам населения.

Жители и работники Крайнего Севера всегда встречали самое теплое и внимательное отношение со стороны всего народа. Министерство же промышленности средств связи отказало населению Крайнего Севера в радиоаккумуляторах.

Товарищи Зубович (Министерство промышленности средств связи), Скопин и Русин (Главэлектросвязьсбыт) неоднократно получали тревожные сигналы Центросоюза об огромной нехватке запасных радиоламп и питания. Неизвестно, по каким причинам эти товарищи предпочли на сигналы не обращать внимания.

Руководители Министерства промышленности средств связи не могут навести надлежащий порядок на вверенных им заводах. Так, например, завод, где директором тов. Фурсов, только за четвертый квартал прошлого года недодал селам 10.000 радиоприемников, завод, где директором тов. Постников, систематически недодает радиопитание. А завод, где директором тов. Лунев, за четвертый квартал 1947 года недодал 4.000 комплектов радиопитания.

Огромную помощь радиофикации деревни может принести массовое производство детекторных и малоламповых приемников.

В октябре 1947 года правительство приняло решение об организации производства общедоступных малоламповых и детекторных радиоприемников. В соответствии с этим решением Министерство промышленности средств связи обязано было к 1 декабря 1947 года разработать образцы таких приемников, а в четвертом квартале того же года уже должно было выпустить 30.000 детекторных приемников. Работники Главэлектросвязьсбыта тт. Новиков и Лавринович на этот раз захотели, повидимому, быть на высоте положения. 31 октября 1947 года они выдали Центросоюзу наряды на получение детекторных приемников сразу с трех заводов. Но когда пришло время получать приемники, то оказалось, что на заводах нет ни самих приемников, ни даже их образцов. Такую, мягко выражаясь, безответственность демонстрируют не одни лишь тт. Новиков и Лавринович. Товарищ Можжевелов (2-е главное управление министерства) к установленному правительством сроку не только не представил образцов новых малоламповых приемников, но и сейчас еще не может назвать точных сроков их представления.

Министерство промышленности средств связи и его предприятия должны, наконец, принять все меры к тому, чтобы все наше колхозное крестьянство было обеспечено не полированными ящиками без ламп и батарей, а настоящими радиоприемниками.

Г. КОМИССАРОВА

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: В ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—01102